

ПРОДАВЕЦ ВРЕМЕНИ

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

Евгения Кротова

Продавец времени

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Юная княжна Неждана грезит о выздоровлении матери, надеясь, что жизнь вернется в прежнее русло. Ее мучает равнодушие отца и явное желание избавиться и от хворой жены, и от дочери. В довершение всего, Неждана узнает, что отец собрался выдать ее замуж, а мать отправить в отдаленный скит. Девушка предполагает отец собрался жениться повторно. Воспользовавшись выходом на городскую ярмарку, Неждана обращается за помощью к обитателям Тайных рядов, которые за плату подсказали ей мастера от всяких хворей, аптекаря Лесьяра. Но юная княжна не знала, что у магических обитателей свои счета с Лесьяром, а помощь матери может обернуться Древним злом, потревоженным неосторожным словом девушки.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Лесьяр	9
1	9
2	18
3	27
4	33
5	38
6	50
7	54
8	61
9	67
10	72
11	80
12	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Евгения Кротова

Продавец времени

Пролог

Кроны вековых сосен сплошным покровом смыкались над головой. Низкорослые ели, насобирав на светло-зеленые иголки полуночную влагу, теперь стояли, нахохлившись и, казалось, дрожали от напряжения. На каждой иголке – словно хрустальный шар ведуньи Чары – крошечная капля росы. Тронь – и осыплется на тебя тьмой ледяных брызг, промочит с головы до кончиков сапог, заберется за шиворот, заставив помянуть лешего.

А Лесному володѣтелю только этого и надо. Кто помянет, тому из Борбѣевого леса обратной дороги нет, так и останется в услужении навечно.

Пахло молодыми побегами ольхи и грибами – терпко, густо. Над головой стрекотал дятел, да то и дело покрикивали разбуженные им совы, подслеповато ворочались в темно-зеленых кронах. Лесьяр шагал по ельнику особенно осторожно. Ноги, хоть и натруженные дальним походом, упруго ступали на ковер из прошлогодних иголок, ловко перешагивали через поваленных прошлогодней грозой подлесок да корявые корни, змеями тянувшиеся из-под земли. Капюшон

путника скрывал его лицо от чужого взгляда, а пошитая наизнанку рубаха надежно прятала от лесного люда – проходи, с чем пришел.

Лесьяр нынче шел с непростой ношей. Она то и дело шевелилась в заплечной корзине, шипела и недобро взвизгивала. Он не заботился о ней – надежные замки защищали короб, не сбежать. Одно заставляло путника то и дело останавливаться и вскидывать ношу на плечах – проклятья, которые угольным крошечком сыпались через плетеные стенки.

– Угомон на тебя найди, не то хуже будет, – предупредил беззлобно. Хоть парочку незнакомых проклятий и заприметил, хорошо бы проверить крепость Слова этой твари. Та, что вертелась внутри котомки, замерла.

– Отпусти-и, – выдохнула, обдав запахом гнили.

Лесьяр, запрокинув голову, громко захохотал, едва не потеряв капюшон – пришлось придержать его рукой и снова натянуть на глаза.

– Ага, только о том и мечтаю, чтоб на своем горбу поближе к жилью человечьему тебя принести да выпустить.

Похлопав узкой ладонью по округлому боку корзины, он вскинул ее еще раз и, посмеиваясь, ускорил шаг – впереди показалась залитая солнцем пропleshина.

Солнце медленно поднималось из-за холмов, тени становились прозрачнее, а над ельником тонкими струйками поднимался туман. Надо делать привал. Лесьяр остановился у края поляны, достал из-за пазухи плоский, как лопух,

камень размером с ладонь с черными, рисованными золой, кругами. Подставил его солнцу. Яркий луч коснулся веснушчатого носа молодого человека, позолотил тонкие, натруженные работой пальцы и перетянутые змеиной кожей запястья. От плетеной котомки пошел смрадный пар, а существо, томившееся в нем, отчаянно заверещало.

– Ну-ну... полно те, – он развернулся так, чтобы спрятать корзину в тень. Тварь внутри подуспокоилась, только осталось слышно ее сиплое, тревожное дыхание.

Камень на ладони напитался света, засиял. На черном угольном рисунке янтарная роса проступила. Лесьяр резко дунул на нее, заставив подняться вверх и, собравшись в шар, упорхнуть в направлении ближайшего человеческого жилья – налево от поляны, через болотце, к малиннику. Лесьяр прислушался – в указанном шаром направлении, действительно, слышалась человеческая речь. Далеко, к вечеру только выйти удастся.

Лесьяр вздохнул – значит, сейчас надо отдохнуть.

Спрятав за пазуху путину – тот самый плоский камень с начертанным рисунком, Лесьяр развязал ремки и спустил корзину на землю. Тварь внутри завозилась, человеку пришлось прикрикнуть на нее:

– Умолкни, не то спалю!

Он специально поставил короб так, чтобы меньшая его часть оказалась в тени, а большая – на полуденном солнце, чтобы заставить тварь внутри вжаться в стенку и заме-

реть. Опустившись на разогретую солнцем землю и вытянув ноги, он неторопливо открыл сумку и достал из нее подсушенную краюху хлеба. Тварь внутри короба тяжело дышала, каждое ее движение – путник знал это совершенно точно – приводило к касанию солнечного луча, жалящего безжалостно, до костей. Тварь взвизгивала и вжималась в стенку короба еще сильнее. Путник, пожевав краюху, достал из холщового мешочка обычную соль для варки, набрал щепотку и щедро посыпал на краюху, втер. Между пальцами осталось немного серых крупиц. Не долго думая, Лесьяр стряхнул их на крышку короба. Тварь, почуяв неладное, перестала дышать. Путник легко представил, как она с ужасом смотрит вверх, как по острому подбородку, собравшись пеной, стекает зловонная слюна. Крохотные частицы соли, замерев на ивовых прутьях, скользнули внутрь. Тварь внутри взвыла. Забыв об осторожности, отпрянула слишком рьяно, перевернув котомку на бок. Та покатила по траве, подставив круглый бок солнцу. Метнувшись по траве, уперлась в сапог путника – тот не передвинул ногу, не позволив котомке скатиться в тень. Вой перешел в нечленораздельный хрип, хрип – в бульканье. Котомка каталась перед Лесьяром по пыльным камням, тварь внутри металась, поджариваясь со всех сторон, пока затихла, обессилев и обезумев.

Только тогда путник небрежно пнул короб носком сапога, позволив ему убраться в тень.

Продолжая прислушиваться к тишине внутри короба, мо-

лодой человек надвинул капюшон на глаза, плотно скрестил руки на груди, позволив себе пару мгновений послеобеденного сна. Впереди – еще полдня пути, селение погóров, сбор Соли и обратный путь. Жаль, что из-за пойманной твари ему придется большую часть ценного товара оставить у Грозового перевала, а потом возвращаться за ним еще раз. Но это лучше, чем оставить где тварь, что сейчас стонет внутри и зализывает свои раны. Удача улыбнулась ему, а гневить ее отказом аркаимский аптекарь Лесьяр никогда бы не решился.

Часть 1. Лесьяр

1

Солнечный луч скользил по простыни. Нежно дотронулся до женской руки, словно прощаясь, блеснул на золотом шитье подушки и спрыгнул на пол. Во дворе голосили кухарки, добуживаясь поварят. Гуси важно галдели в ожидании пастушка Ворбйки, давнего приятеля Нежданы. Вытянувшись, сидевшая на низкой скамье в изножии кровати девушка постаралась увидеть его, но парнишку загородила дородная мать. Неждана сникла. Вздохнув, встала с лавки. Заглянула под полог и прошептала спавшей под ним женщине:

– Утро уже. Сейчас Ядвига с Ольгой придут, приберут тебя. – Присев на край кровати, девушка взяла в руки бледные пальцы спящей, погладила, продолжая говорить, как с маленькой. – Причешут тебя, в косы ленты атласные вплетут и жемчуга. Будешь красивая, нарядная.

Девушка с тоской посмотрела на спящую – не дрогнут ли ресницы. Не дрогнули. В сердце девушки растеклось разочарование. Неждана опустила голову, спрятав скатившиеся по щекам слезы. Но те, словно непослушные стрекозы, выскальзывали из-под ресниц и капали на грудь, оставляя на льном домашнем платье темные разводы-ручейки. Тихо

взвывая, девушка подняла к потолку лицо, словно пытаясь пустить слезы вспять, упрятать под ресницами. Задышала часто и неглубоко. Шумно сдула с лица челку, успокаиваясь. Похлопала спящую по тыльной стороне ладони.

– Ничего-ничего. Ты поправишься.

Дверь покоев тихонько скрипнула, в щели мелькнула уса-тая рыжая морда кота Кваса, а следом появился и весь он – важный и снисходительный, он пересек комнату и ловко запрыгнул на ложе хозяйки, устроился в ногах. В опочивальню зашли похожие как две капли воды прислужницы – Ядвига и Ольга. На них были одинаково серые платья, с одинаковыми поясами и разноцветными бусами, украшавшими плоские груди.

– Уже утро, княжна, – сообщила та, что была повыше, Ядвига. Неждана кивнула, но не пошевелилась.

– Позвольте помочь княгине собраться пред ясны очи князя, – ее сестра, Ольга, поджала и без того тонкие и бесцветные губы.

– Отец приехал? – Неждана старалась, чтобы голос не дрогнул. Не удалось. Закусила губу и отвернулась.

Ядвига покосилась на сестру, проговорила едва слышно:

– Приехал. С ближней дружиной. К данникам тарским пожаловал.

– Ну и княгиню проведать, – подхватила Ольга. И страдальчески сморщилась: – Княжна, позвольте нам прибрать госпожу. Не то князь решит, что мы ленимся, да и прогонит

со двора.

Неждана, вздохнув, выпустила из рук материнские пальцы, встала. Не проронив больше ни слова, вышла из опочивальни.

Солнце, пробиваясь сквозь разноцветные стекольца витражей, ложилось словно перышки диковинной жар-птицы на светло-желтые плахи, лавки вдоль стен и нежно-голубые изразцы. Будто сотни рассыпавшихся самоцветов. Со двора доносился шум и гомон. Кричала домашняя птица, ржали кони, до хрипоты лаяли собаки. Все перекрывали бравые мужские голоса. Подойдя к окну, Неждана распахнула створки – под окнами столпились шестеро княжеских дружинников. С гоготом и прибаутками, они поили коней и расчесывали им гривы.

– А я знамо дело, не слабак, возьми да схвати ее за косу, – шумел один. – Та как взвояет, как живая! И давай крутиться будто змея на угольях. Едва управился.

– А как. Как управился-то? – с жаром интересовался дружинник помоложе. – Вурдалакиня ж!

– Да ты, Гриня, не шубурши... Все сладилось. Вурдалаки-то они чего бояться?

– Чего?

Тот дружинник, что постарше, выдержал паузу, склонился к молодому, будто какой секрет хотел рассказать. Протянул доверительно:

– Ласки...

Остальные мужчины тихо засмеялись. Молодой встрепенулся:

– Че-го?

Рассказчик посмотрел на товарищей, пригладил усы, спрятав за ними улыбку.

– Ласки они боятся, твари эти. Вот я ее приласкал акинаком¹, да поперек горлышка. – Его хохот смешался с хохотом остальных дружинников. Молодой смутился:

– Да полно те вам, чего глумитесь.

Неждана отвернулась от окна. На сердце было тяжело – она понимала, зачем явился отец. Искала в его свите черную накидку, да пока не находила.

«Неужто надежда есть?» – с тоской подумала.

Гулко хлопнула дверь в глубине дворца, с нижнего этажа. Неждана вслушивалась в приближающиеся шаги, сердце девушки вздрагивало с каждым шагом. Кто-то шел через проходные сени, помедлил мгновение у двери в гостиный зал, где стояла соляным столбом девушка и теребила золотистую кайму пояска. Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Дверь в гостиный зал распахнулась. В проеме появился князь Олег. Неждана вздрогнула, как от удара. Сердце стало большим, обжигающе-горячим, но тут же сжалось, словно обернувшись горлицей, запертой в тесной клетке. Девушка не часто видела родителя, от того затрепетала под его взгля-

¹ Акинак – короткий меч.

дом, не сумев привыкнуть ни к стати его, ни к суровому взгляду, вечно обращенному мимо нее. Будто противно ему на дочь свою смотреть.

Совладав с тревогой, Неждана шагнула навстречу отцу. Поклонилась в пояс:

– Здравия тебе, батюшка. Вечеру ожидали тебя, но ты явился вместе с красным солнышком, о чем радость моя дочерняя.

Отец небрежно окинул дочь взглядом, цепко схватив, что круги под глазами – значит, опять не спала, не врет кормилица. Отметил, что на лице ссадина свежая. Схватив это все, и кое-что еще, отвел взгляд. Неждана, сцепив пальцы, глубоко выдохнула – от отца не ускользнуло, как затрепетали ноздри девушки, как сжались в плотную линию губы, как побледнели щеки, а на дне ясно-голубых глаз полыхнуло пламя неприязни.

Князь проговорил сухо:

– Дела были спешные в стольном граде, от того задержался.

– Сказывают, к тарским данникам путь держишь, – дочь вздернула подбородок.

Князь настороженно кивнул:

– Так.

– Выходит, проездом у нас...

Их взгляды встретились, сказав больше, чем следовало. Горячая досада в светлых глазах княжны, в ответ – словно

пощечина – холодная решимость князя.

– Сказывай, как поживаешь, – велел вместо ответа. Он направился к опочивальне княгини. Поравнявшись с Нежданой, схватил ее на локоть, притянул к себе. Взгляд сверкнул, указав на красноватые мозоли, что рассекали ладонь дочери: – Сказывают, ослушалась воли моей, к Александре-воительнице бегаешь, – он оттолкнул дочь – та впечаталась в подоконник, схватилась за распахнутую раму. Отец прикрикнул: – Говори!

Неждана прошипела:

– Та коли ведаешь обо всем, о чем еще сказывать?

Олег медленно вздохнул, окинул дочь взглядом с головы до пят, надменно процедил сквозь зубы:

– Не отпираешься, значит, княжна.

– Не отпираюсь, княже. – Девушка вытянулась словно тетива лука, узкие плечи опустились, грудь под платьем ходила широко, горлица в груди билась из последних сил.

Князь внезапно переменялся в лице, устало опустил голову, сник и будто постарел.

– Зачем так?

Неждана упрямо поджала губы, прошипела:

– Затем, что за Гостомыслова внука замуж не хочу. И слово свое перед ним сама держать буду.

Отец посмотрел на нее лукаво:

– Сдюжишь ли супротив бравого молодца?

Дочь перевела дух, бросила в сердцах:

– Или сдюжу, или сдохну.

Олег, усмехнулся, скрестил руки на груди:

– Не люб тебе, от того упрямишься? – он склонился к дочери и проговорил тише: – Или от того, что Я его для тебя избрал?

Дочь молчала. Князь цокнул языком:

– Ишь ты какая выросла... Чистая фурия, – он примирительно усмехнулся, похлопал дочь по плечу: – Ну-ну, полно ежиться. Не часто видимся-то... – Он замолчал, и по изменившемуся цвету лица Неждана поняла, о ком будет следующий вопрос. И оказалась права: – Как...княгиня.

Перед словом «княгиня» отец будто споткнулся. Будто не знал, как назвать ту, что спала уже одиннадцать лет, пробуждаясь лишь в полнолуние. Но и тогда пробуждаясь лишь отчасти: в эти короткие часы она не узнавала никого, не желала ничего и не просила ни о чем. Садилась в постели, смотрела безучастно в окно, растерянно теребила кончики кос, а с первыми петухами снова ложилась в постель.

Неждана сглотнула едкий комок, подступивший к горлу, прошептала изменившимся голосом:

– Как прежде.

Отец рассеянно кивнул.

– Добрó... – отец развернулся и быстрым шагом пересек светелку и толкнул дверь опочивальни.

«Да чего ж тут доброго», – хотела крикнуть ему в след дочь, но сдержалась.

Из материнской спальни с поклонами пятились Ядвига с Ольгой. Неждана заметила, как прислужницы переглянулись, словно что-то знали, что было неведомо ей, Неждане. Нахмурившись, девушка бросилась к спальне, но дверь захлопнулась прямо перед ее носом.

А еще через мгновение она увидела того, кого боялась больше отца: дверь в гостевой зал бесшумно отворилась, впустив в светелку закутанного в черный балахон волхва. Старик замер на пороге, колко посмотрел на княжну, будто к полу пригвоздил.

– Добра тебе желаю, княжна, – приветствовал едва слышно.

Девушка, забыв о приличиях, остолбенела – даже не ответила на приветствие старца. С трудом перевела дыхание. Между тем волхв прошел мимо нее и притихших служанок. Открыл дверь опочивальни княгини и скрылся за ней.

– Да что же это?! – девушка решительно шагнула к спальне, но войти внутрь ей не позволил отец: выглянув из комнаты, велел строго, чтобы ждала тут. А для верности выбросил пригоршню зайцев-прыгунцов: небольшие деревянные шарики, ударившись об пол, подскочили снова. Уже в воздухе из них выдвинулись аккуратные ушки, распахнулись черные глазки-угольки, а лапки требовательно заперебирали, подбিরаясь к княжне.

Захлопнул перед носом дочери дверь и задвинул засов. Ловко лавируя между лавками и замершими от любопытства

служанками, игрушечные зайцы оттеснили княжну от двери в опочивальню, засеменили, шумно голося и притопывая – сквозь эту суету та теперь даже если бы хотела, не смогла услышать, что происходило в спальне матери.

Неждана поняла: все пропало.

2

К погóрам вышел, когда уже собиралась вечерняя роса, а в водах неглубокой и вечно ледяной реки Звáнки стали играть прошлогодние утопленницы. Завидев путника, вышедшего из-за деревьев, они зашушукались, засмеялись, а те, что посмелее, подплыли к самому берегу.

– Неужто у нас нынче свеженька будет к ужину, – усмехнулась одна из них и плотоядно облизнулась, показав острые зубы-иглы.

Лесьяр посмотрел на нее, предложил беззлобно:

– Полезай ко мне в туесок, – будто отрезал и встряхнул свою корзину. Тварь внутри зашипела.

Русалки отпрянули, на бледно-голубых лицах отразилось отвращение пополам с ужасом. Лесьяр удовлетворенно хмыкнул:

– То-то же...

Небольшое селенье, окруженное излучиной лесной речки Званки и запрятанное меж сосен, готовилось ко сну: в окнах горели желтоватые огни лучин, у ворот уже примостились вороватые коты, равнодушно поглядывавшие на приготовленное для русалок угощение – кислый хлеб и пиво. Лесьяр пробормотал «забы́ти» и глубоко вздохнул, набрав полную грудь пахшего тиной и мхом воздуха, шагнул на хлипкий мосток, как в прорубь с головой окунулся:

на мгновение оглох и ослеп, почувствовал всем телом плотную завесу, и вот уже вынырнул из нее за воротами деревеньки. К нему бежала Чара – молоденькая погорка, еще подросток, угловатая и нескладная.

– Лесьяр пришел! – кричала она. – Пойдем собирать Соль!

– Мир дому погора, – отозвался Лесьяр и замедлил шаг, переводя дыхание: переход в подземный мир погорцев давался ему с трудом.

Чара едва доходила Лесьяру до пояса, маленькая, юркая, она смотрела на него с восторгом и безо всякой опаски, чего не скажешь о взрослых жителях селения, вышедших из своих домов, чтобы приветствовать гостя. Отец Чары, рыжий и бородатый погорец, покосился на заплечную корзину путника, пробормотал:

– Легкого отдыха, – однако взгляд его стал сухим и неприветливым. – Что за пакость нам приволок?

– У Грозового перевала споймал, – Лесьяр поставил корзину на землю, похлопал по крышке. – Защита ладная, не вырвется.

– За воротами надобно было оставить, – упрямылся отец Чары, другие погорцы закивали согласно.

Лесьяр развел руки:

– Так русалки утащат или откроют! Тогда уж точно беды не избежать. А так под моим присмотром не забалуёт тварюга.

Рыжий погорец покачал головой, но спорить больше

не стал – правила гостеприимства не позволяли. Кивнув дочери, скомандовал тихо:

– В гостевую избу веди.

Та кивнула, заторопилась, но не почувствовав Лесьяра за своей спиной, замерла и обернулась. Заметила, как отец схватил гостя за рукав, склонил к себе, прошептав что-то. Она не видела взгляд гостя – его скрыла упавшая на лоб челка, но губы скривились в снисходительной улыбке. Посмотрев на отца сверху вниз, юноша кивнул и, подхватив корзину, закинул ее на правое плечо и пошел в дальний конец улицы, в гостевую избу, к которой уже торопилась Чара.

– Мне кажется, только ты мне и рада, – пробормотал, поравнявшись с девушкой.

Та покачала головой, проговорила с обидой в голосе:

– Неправда твоя, тебе все рады. Только зачем ты *ее* принес? – она выразительно покосилась на шевелящуюся в корзине тварь.

Лесьяр погладил плетеный бок:

– О том сразу и не скажешь. Но очень я рад, что она в мои силки попала, веришь?

– Верю, – Чара кивнула. – От нее смертью пахнет.

– А чем еще может пахнуть от мары кладбищенской?! – Лесьяр тихо засмеялся.

Чара посмотрела на поднимающийся над деревней лунный диск, прибавила шаг:

– Помни только: в подземном мире Слово твое слабеет,

а значит и оковы хрупче. А у невольницы твоей – наоборот – сила в подземном мире прибавляется... И ежели она вырвется, первая жертва – твоя. Таков закон.

Она посмотрела серьезно.

Лесьяр кивнул: подумал уже о том же, когда шагал через переход. Покоробило только, что Чара о твари из его корзины отозвалась как о «невольнице», будто ровня ей. Хотел сказать о том, да напоролся на острый, как лезвие клинка взгляд девушки и осекся – в самом деле, его ли это дело, судить о подземных жителях. Вслух сказал:

– Запомнил, не волнуйся. Скажи батюшке, утром, только месяц коснется сосен, выходим к верховью Званки. Там поговаривают в это полнолуние Соли будет в достатке.

Девушка кивнула.

Деловито подбоченясь, скатилась со ступенек и побежала к дому отца. Юноша толкнул дверь и оказался внутри тесной, давно не топленной избы. Темный мох рос по стенам ее, паутина свисала с потолка, опутывая прозрачным коконом засушенные травы, оставленные Лесьяром в свой прошлый визит. Он усмехнулся – не частили гости к погорам: даже перчатки для сбора Соли лежали на том же месте на лавке. Сейчас они покрылись тонким слоем мха, и выглядели забытыми и ненужными. Но это ровно до того момента, как он оживит избу.

Достав из кармана огниво, он щелкнул им. В хрустальной склянке занялся солнечный свет, осветил полумрак го-

стевого дома, уставшее лицо путника и его непростую ношу. Оранжевый огонек выскользнул из склянки и метнулся к стене, загорелся на ней ярко и уверенно. Мох подался в сторону, в неосвещенный еще угол дома, но был застигнут огнем и там. Растаял с шипением. Сырость и забытье, торопясь ускользнуть от солнечного света, пряталось по углам но с тихим шелестом испарялось, едва схватившись солнцем. Прodelав свою работу, волшебный огонь собрался в полукруг над столом и замер.

– Вот то-то, – Лесьяр спрятал огниво в карман, поставил корзину на пол и, расстегнув застежку, стянул с плеч плащ, бросил его на скамью.

Мара внутри корзины затихла. Лесьяр понял – приняхивается, примеряется. А может, если права Чара, силу копит, чтобы оковы с короба снести. Он усмехнулся – не для того он гнался за ней по болотам, чтобы упустить сейчас.

Пересек комнату. За каменной печкой, на полке стоял холщовый мешок, доверху наполненный чем-то колким и бугристым. Юноша снял его, развязал плотно затянутый узел – внутри была соль, простая, которую добавляют в пищу. Плотные кристаллы, каждый размером с кулак юноши, поблескивали серебром.

То, что нужно.

Лесьяр вернулся к корзине, поставил ее посередине комнаты, у стола, как раз под полукругом света. Наклонившись нарисовал кристаллом соли круг вокруг корзины, получи-

лось что-то вроде колбы: сверху солнечный свет, внизу – соль. Только проделав это все, юноша позволил себе сесть на лавку и вытянуть ноги – ступни гудели от усталости, щиколотки свело. Чуть выше, ближе к коленной чашечке, мышцы сводило судорогой – юноша наклонился, обхватив их двумя руками, ловко размял. Стало легче.

Он вздохнул, стянул с плеч капюшон и бросил его тут же, на лавку. Изба качнулась, юношу потянуло вверх – это изба поднялась на ивовые ноги, защищая сон постояльца от непрошенных гостей. Нужно было пройти за печь, набрать в кувшин воды и умыться. Еще набрать фляги водой и высушить сухари, набравшие за дорогу влаги. Поужинать.

Но вместо этого Лесьяр, скрестив руки на груди, прислонился затылком к стене и прикрыл глаза. Несколько глубоких вдохов, и вот он уже не чувствует усталости и голода, а мысли быстро перенесли его в прошлое, в душно натопленную и тесную избу, пропитанную запахом хлеба и кислого щавеля, верескового меда и полыни. Тихий шелест работающей на прядке матери, тонкая серебристая нить на веретене, протяжная песня. Здесь было безопасно и уютно. Так безопасно и уютно больше ни было нигде. Давно забытое чувство.

Женщина за прядкой неожиданно прекратила работу, песня оборвалась. Повернувшись к Лесьяру, она сурово сказала:

– Уходи!

Юноша вздрогнул, как от пощечины, в груди растеклась горячая обида, полыхнула под сердцем. И снова навалились усталость и голод.

Лесьяр насторожился.

Сквозь прикрытые веки он отчетливо почувствовал движение рядом. Но даже не это было главным. Главным было то, что в комнате царила темнота.

Плотная завеса давила на глаза, ложилась на грудь душно и осязаемо. Словно темнота в избе стала живой.

Не размыкая век, Лесьяр прислушался: прямо перед ним, у стола, ощущалось движение: воздух качнулся, подхватил скрип ивовых прутьев – опасливый, несмелый. Запах гнили и сырой, поросшей мхами, почвы дотянулся до носа юноши, подтвердив самые серьезные его опасения: пленница с Грозового перевала сумела совладать с солнечным светом, погасила его и теперь выбирается из своей тюрьмы.

Лесьяр не шевелился. Ждал. Он старался дышать так же безмятежно, как и раньше, до пробуждения, не привлекать к себе внимания и позволить твари ступить на пол. Чуть приоткрыв веки, сквозь ресницы наблюдал за зеленоватыми огоньками – это гнилушечным светом искрились зрочки кладбищенской твари. Юноша видел, как два огонька выглянули из-за борта корзины, как приподнялись над ней и качнулись в сторону – тварь собиралась сбежать. Ее движения были плавными и осторожными – Чары оказалась снова права, в подземном мире Слово молодого мага теряло силу час

от часу. Что ж, у него есть кое-что покрепче, спрятанное за пазухой и в наплечных браслетах.

Лесьяр весь обратился в слух.

Тварь, помедлив мгновение, осторожно ступила одной ногой на деревянный пол избы. Коротко вздохнула – в этом вздохе и радость освобождения, и злорадство, и жажда мести одновременно. Лесьяр не пошевелился.

Мара сделала еще один шаг и вдруг отчаянно, рассекая плотную завесу подземной ночи, взвыла. Под ее тощими ногами полыхнуло ярко-синим, словно молнией, рассыпалось десятком искр, оседая на землистого цвета коже и прожигая ее.

Лесьяр правой рукой выхватил из наплечного браслета левой руки крошечное кремниевое лезвие, а правой – в это же мгновение – склянку с солнечным светом, спрятанную за пазухой. Голубые искры, не успев осесть к ногам кладбищенской твари, отразились в полумесяце лезвия, собрались на его острие, чтобы вонзиться в тощую плоть пленницы. Та с удивлением уставилась на торчащей из груди наколечник, протяжно застонала. В этот момент, окончательно раскрывшись, над ее головой разлился солнечный свет, затмив непогасшие еще голубые искры от заговоренной соли, оставленной Лесьяром-аптекарем на полу.

Юноша резко встал, выпрямился и, подхватив ослепшую от боли мару за шиворот, бросил назад, в корзину:

– Значит, наговоренная соль сильнее твоего слова... Даже

сказанного в полночь в подземном мире, – он прищурился. – Я запомню.

Мара закатила глаза, медленно осела на дно корзины. Прикрываясь лохмотьями от жалящего света, свернулась клубком. Она была размером чуть больше обычной домашней кошки, с черными, спутанными волосами и длинными нескладными конечностями.

– Ненавижу, – прошептала сквозь зубы.

3

Утром его разбудила Чара. Вошла тихо, без стука – знала, что юноша уже давно пробудился и готов к работе.

– Утро доброе, – сообщила девушка, покосившись на рассыпанную на полу соль. – Росы тонкие, соли будет много.

Лесьяр взял в руки рукавицы, поправил рубаху.

– О том и говорил с твоим батюшкой. Пошли, что ли...

Чара не шелохнулась, с сомнением смотрела на короб:

– А гостью свою неужто без присмотра оставишь?

– Не сунется, – уверенно отозвался аптекарь, кивнув на миску с водой, неловко поставленную на крышку короба – так неловко, что того и гляди перевернется. – Пошевелится – соляной раствор прольется и выжжет до костей.

Погорка покачала головой, брезгливо поежилась. Но спорить с человеком не стала, повернулась к выходу и молча вышла из гостевой избы. Лесьяр последовал за ней.

Деревня погоров не спала. Все – от мала до велика, собрались у своих домов в ожидании команды старейшины. У кого за плечами висела корзина, у кого за пояс был заткнут плотный холщевый мешок. Отец Чары вышел на крыльцо, прокричал:

– Погоры! Два раза в год наступает пора для сбора Соли. Никто не знает, наступит ли следующий день или сегодняшней День сбора Соли станет последним. А потому собирай-

те все крупницы, даже самые крошечные, что встретятся вам на пути. Потому выводите на работу всех. Даже малых деток. Но помните – не повреждайте соляные цветы, не рвите. Корни поврежденных соляных цветов гниют, цветы больше не плодоносят!

Лесьяр все это слышал и не раз.

Его мир все больше погружается во мрак. Не остается Силы, той самой, что когда-то позволяла людям летать, словно птицы, понимать язык зверей, сворачивать горы и обращать реки вспять. Сила уходит. Тает медленно, как апрельский снег. И каждый из ныне живущих понимает, что скоро не останется ничего.

Погоры – один из немногих народов, кто собирает остатки Соли. Это уже не Сила, а ее отражение. Ведь и сами погоры живут в отражении мира людей. И там еще цветут поля соляных цветков, где каждый кристалл хранит невиданную Силу. Ломкая, изумрудно-золотистая, она выступает подобно росе на лепестках и собирается в небольшие, рыхлые кристаллы, которые подземные жители собирали с помощью специальных рукавиц, покрытых чешуйками гладко отшлифованных серебряных пластин. Рукавицы придумал и смастерил Лесьяр, давно. Еще во времена услужения Яге, заметив как-то, что Соль, собранная на такие пластинки, не теряла своих свойств. Отраженная магия множилась в отражениях и не терялась.

Чара нашла способ высчитывать, когда отраженные поля

соляных цветов, будут подходить близко к их деревне, так близко, что до каких-то цветков удастся дотронуться и собрать Соль.

Сегодня как раз такой день.

Погоры поторопились к Запруде, небольшому озерцу, в котором отражались неспешные воды Званки. Оно стояло неподалеку от деревни. От него поднимался изумрудно-золотой туман, словно намек на то, что Сила еще в нем. Лесьяр помнил те времена, когда туман полыхал ярко и высоко, словно весенний костер. Заметив тощие языки изумрудного пламени сейчас, сердце аптекаря сжалось. Времени оставалось много меньше, чем он или кто бы то ни было ждал.

Вздыхнув, он встал рядом с Чарой у берега озерца. В темной воде, словно перевернутое блюдо, кружилась изумрудно-золотистая поляна.

Каждый раз, когда Лесьяру открывалось это чудо, у него захватывало дух. Нежные цветы с распахнутыми бутонами неторопливо кружились, их лепестки подрагивали, издавая едва слышный человеческим ухом хрустальный звон. Чара говорила, что слышит эту музыку иначе, даже пыталась запеть Лесьяру печальную мелодию соляных цветков. От того погоры всегда собирали Соль в молчании, от того «музыка» соляных цветов не затихала до тех пор, пока поляна снова не отходила от берега Запруды.

Лесьяр встал на одно колено, чтобы не мешать Чаре. Он был выше ростом, руки длиннее, а значит и до цветов дотя-

гивался иначе – мог схватить те, что от погоров росли слишком далеко, во втором или третьем ряду.

Музыка стала громче. Словно хрустальный дождь, лилась она из глубины отражения, переливаясь и завораживая. Вот так можно было отвлечься на удивительное звучание и не собрать ни крошки. Лесьяр нахмурился, примерился к большому цветку в третьем ряду. «Только бы не вырвать!» – подумал. Вырвет – цветок завянет, да еще и соседние с ним перестанут плодоносить. Будто у них общие корни. Или общая боль.

«Может, живые они?» – мелькнуло в голове.

Он протянул руку, развернул ее ладонью вверх и едва коснулся нижнего лепестка. Мелодия изменила тональность, с поверхности лепестка на серебряные чешуйки рукавиц сыпалось несколько изумрудный крупинок. Попав на отполированные пластины, они заискрились золотым. Набрав крупин с горкой, Лесьяр ловко ссыпал их в заготовленный короб. И тут же дотронулся до лепестка повыше. С него собралось меньше крупинок, поэтому юноша продолжил собирать, пока на ладони не искрилась золотом добрая горка песчинок. Тогда чуть раскрыв сердцевину, он увидел кристалл – изловчившись, схватил его указательным и большим пальцами свободной руки и отправил добытую Соль в короб.

– Тебе везет, – тихо отметила Чара. Ее короб был заполнен наполовину. Прищурившись, она посмотрела на поляну, вздохнула: – Будет мало Соли. Соляная поляна повернулась

ныне не той стороной.

– Может, развернуть? – предложил Лесьяр, дотягиваясь до нового цветка.

– Не рискуй. Вдруг и того лишимся, – она закусила губу. – Соляных цветков все меньше. Урожай все хуже...

– Надеюсь, я скоро найду решение. – Лесьяр сам не ожидал, что проговорится. Помрачнел. Зато Чара, забыв о работе, уставилась на него с удивлением.

– Поэтому ты протащил с собой мару с самого Грозового перевала?

Лесьяр ссыпал горсть Соли в короб и посмотрел на погорку сверху вниз:

– Я искал ее с осени.

– Зачем она тебе? – девушка посмотрела строго, словно спрашивала невыученный урок.

Юноша отвел взгляд, вернулся к сбору Соли, проговорив:

– Ты знаешь ответ.

Девушка замолчала, тоже вернулась к работе. Казалось, она напрочь забыла об их разговоре.

– Нет коварнее твари, чем мара кладбищенская. О том ведомо тебе с детства, – она знала, что напоминает другу о больном и запретном, тот потемнел лицом, но девушка продолжала говорить хоть и тихим, но твердым голосом, все еще надеясь переубедить: – Мары не ведают пощады, мстительны и алчны. Им нельзя верить, что бы они не посулили...

– Не коварнее людей будут, – усмехнулся Лесьяр и, чтобы

не продолжать разговор, закинул на плечи короб со снадобьем и поставил его подальше от озерца. А сам, взяв новый мешок, пристроился работать рядом с пожилой парой погоров. Работал, а между лопатками жгло, будто горячим воском капало – это Чара смотрела ему в спину.

Оставив собранную Соль в сторожке за болотами, Лесьяр отправился домой налегке: шесть подсумков с кристаллами на первое время и чтобы расплатиться с долгами – вот и все, что он решился взять с собой. Да в заплечной корзине мрачно молчала мара кладбищенская, и чем ближе молодой аптекарь подходил к своему дому на опушке, тем тяжелее становилась его ноша. Будто мара всеми силами цеплялась за землю, которая могла дать ей силы на побег.

«Ну уж нет, теперь сбежишь – точно вернешься, – думал Лесьяр. – И тогда уж мне несдобровать. Чара права в том, какие эти твари злопамятные и мстительные».

Солнце щедро залило розовым золотом небо, подкрасило угольно-черным горизонт, когда молодой человек вышел из леса на знакомую опушку. Вот он, оставленный и припрятанные под корягой серый путевой или поворотный камень с лисьей рожицей-личиной, наступи – и окажешься на крыльце своего дома. А от него и рукой подать до Аркаима. Вон другой, побольше да понеприметнее – только для знающих, ведет в Город Мастеров, Старший Аркаим. Подкрашенная алым плоская личина – это уже в стольный град, в Аркону, в нем он бывал только раз, совсем маленьким, еще до того, как попал в услужение Яги. Были и другие камни. Совсем неприметные, о некоторых никто из ны-

не живущих и не знал уже. Лежали они, прикрытые травой, мутнели и постепенно слепли. Такие самые опасные. Такие могли завести неведомо куда, откуда и дороги-то не сыскать. Могли и на Тот свет, в Морозь – скованное вечными льдами обиталище неупокоенных духов да ушедших предков. Лесьяр поежился.

– Ничего, уже недолго осталось, – пробормотал, поправляя лямки. Он уже сошел стропы, чтобы ступить на путевой камень, как представил – несколько мгновений, пока не окажется на пороге своего дома, он проведет с марой в между-мирье, в ее мире. «От того она и притихла, – догадался Лесьяр, – силу копит!». И вернулся на тропу.

Мара зарычала – верно аптекарь подметил, ждала она, что успеет вырваться из оков, наставленных аптекарем.

Она завывала тихо, протяжно, прощаясь с сестрами.

– Будет, будет выть, беду кликать, – окрикнул ее Лесьяр. Идти ему теперь своим ходом, добрые три часа пути по вечерней подслеповатой дороге, с воющей за спиной марой и следующими по пятам юноши ее сестрами – он уже слышал шелест их шагов в высокой траве, видел горящие гнилушки глаз, обращенных на него. А потому прибавил шаг. На всякий случай проверил, под рукой ли склянка с остатками солнечного света да кристалл заговоренной соли. Подумав, он вытащил кристалл и зажал его в кулаке – так оно надежнее. А мара продолжала выть, перемежая плач со злым хриплым шепотом.

– Ишь, шептунья, – отметил он, едва справляясь с паникой – знал, что самое страшное заклятье нашептывается на голову человека. И хоть не выбраться кладбищенской твари из наложенных им оков, порчу навести словом, подкрепленным ненавистью свободных сестер мара вполне могла.

Почувствовав шаги за спиной, Лесьяр стремительно обернулся и выставил руку с зажатой в ней солью перед собой и, широко расставив ноги, пригнулся к дороге, ожидая нападения. Мара в коробе зашипела, но хоть прекратила выть.

– Кто здесь?! – аптекарь крикнул в темноту. Крупицы соли падали на дорогу, юноша осторожно наступил на них носком сапога. Свободной рукой дотронулся до склянки с солнцем, приготовил, чтобы успеть выхватить и бросить на дорогу. Придется наступить на хрупкий сосуд – другая рука занята и времени аккуратно вытащить пробку у него, очевидно, нет. Жаль, конечно, дорога до дома еще не завершена, а других запасов солнечного света у него с собой нет. – Выходи!

Темнота зашевелилась, пропуская на едва освещенную дорогу плотную тень. Лесьяр замер.

Движение прямо перед ним, блеск глаз и короткое дыхание. Юноша улыбнулся уголками губ и спрятал соль за пазуху. Выдохнул с облегчением:

– Привет, Малюта. Чего не спишь?

Он вытащил склянку с солнцем и поднял ее над головой – в блеклом кружке дневного света показался плохо одетый паренек ростом не выше болотной рогозы: волосы вскло-

чены, на ногах – простые лапти, рубаха до пят, подпоясана кушаком, тощие плечи выглядывают из ворота. Паренек недобро оглядывался вокруг. Отряхнув руки, словно испачкал их в придорожной пыли, сплюнул на обочину:

– Тебя встречать пошел, как чуял, что подмога потребуется.

Лесьяр прищурился. Подбоченясь, рассмеялся:

– Как учуял, что не путевым ходом иду? Разминуться могли...

Паренек отмахнулся, поравнялся с юношей и пошел дальше, в сторону дома.

– Чего не догадаться, все твари лесные уже знают, что мару кладбищенскую несешь, водяной рубеж перешел... – паренек посмотрел с осуждением: – Совсем не бережешься, хозяин...

– Да прекрати... Коли я б берегся, и ты бы погорельцем был, так и мыкался бы у пожарища, – аптекарь деловито направился вперед.

Тот, кого он назвал Малютой, добавил шаг, чтобы не отставать, посмотрел с опаской на корзину Лесьяра. Покачал головой, не одобряя затею юноши.

– Но пришел ты вовремя, – аптекарь улыбнулся. – Тварь эта, как поняла, что я обычной тропой иду, так свору свою звать начала, а у меня что соли, что света – на один укус осталось. И твари эти все ближе. Думал, придется тикать...

– Пришлось бы, – вздохнул Малюта.

– ... если бы ты своим домашним теплом их не разогнал.

– Так на то я и домовый, верно? – Малюта шмыгнул носом и еще раз на всякий случай оглянулся – в кустах светились зеленым злые глаза, следовали за ними, но уже на расстоянии, не приближались к хозяину. Домовой подумал: «То-то же».

Мары так и следовали за ними до самого крыльца, хоть и за ограду ступить не решились – там Малюта вовсю хозяйничал, наследил-натоптал, насыпал соли по углам, да словом крепким запечатал. Покосился на тварей, притворяя за хозяином дверь:

– Не уходят... – пробормотал озадаченно и посмотрел на Лесьяра.

Тот пожал плечами, поставил корзину к стене, сбросив на скамью рядом дорожный плащ и небогатые пожитки. Отозвался безучастно:

– Знамо дело, сестру будут караулить, вдруг сбежит...

– А скопом не навалятся? – он окинул придирчивым взглядом небольшой круглый, словно лепешка, дом аптекаря: стол с широкими, удобными для работы лавками, три окна на юг, печку с высокой трубой в центре дома, еще одну – плоскую и длинную, словно разжиревший дождевой червяк с разъявленной голодной пастью, ряды полукруглых ниш с плотными холщевыми занавесками, за которыми прятались коробка с кристаллами и крохотные ступки для измельчения ингредиентов, точные серебряные весы и гирьки различных форм – истинное богатство хозяина. С опаской покосился на ряд крохотных оконеч под потолком в «жилом» закутке: он был сооружен вторым ярусом вдоль восточной

стены дома и держался на крепких сваях, вколоченных в пол. На потолке, на перекрестных балках – пучки трав да связки разномастных склянок со снадобьями, вряд ли они задержат кладбищенских тварей. Домовой задержался взглядом на подполе, припоминая, давно ли в нем проверял охраняющие печати. Выходило, что недавно, но не грех в такой вечер и проверить.

От Лесьяра его внимательный взгляд не ускользнул, хозяин хмыкнул:

– Так и позаботься, чтоб не навалились, – посоветовал.

Юноша, сбросив с плеч дорожную накидку, уже методично распаковывал вещи, вытаскивал из мешка и расставлял по нишам привезенные от погоров кристаллы волшебной Соли – те, что взял с собой, взобравшись на невысокую лестничку, подвешивал под потолком снадобья, попутно проверяя на запах или вкус те, что уже были давно закреплены под потолком – какие-то снимал и передавал домовому, какие-то оставлял висеть на прежних местах. По дому медленно растекался пряный аромат, густо окутывал своды, упираясь в воздухопровод большой печи. Малюта, если бы присмотрелся, то увидел бы зеленовато-сизые языки пропитанного травами воздуха. Но домовому было не до этого. Он нервничал.

– Так я что, я все запечатал, как обычно, – бормотал Малюта. Переданные хозяином пучки трав, бережно, чтобы ни одна веточка или цветок не осыпались, положил на стол,

на заботливо приготовленную холщевую тряпицу.

Лесьяр тем временем осторожно достал из-за пазухи сверток. Переставив стремянку правее от входа, в самый тайный и темный закуток за жилой зоной, он положил тряпицу поверху балки, под самую кровлю. Проверил, ладно ли лежит, и, оставшись доволен, спустился вниз, отряхнул руки. Малюта понял движение хозяина, поднес ему крынку с ключевой водой. Лесьяр жадно испил воду, несмотря на то, что от ее ледяной свежести сводило скулы, вернул опустевшую крынку домовому. И кивнул на притихшую в коробе мару:

– Вижу, не одобряешь мою находку...

Малюта вздохнул. Он суетился у печи, вынимал из устья котелок с ужином: несмотря на небольшой рост, сила у домового была недюжинная, да и ловкости не занимать. Едва он приоткрыл крышку котелка, от стола потянуло тушеным мясом, тыквой и гречей. Лесьяр понял, до какой степени он голоден. Споро вымыл руки и умыл лицо за загородкой, он направился к столу. Домовой уже придвинул к нему глубокую тарелку с нарезанным крупными ломтями хлебом, крынку с водой и миску, доверху наполненной мясом. Аптекарь щелкнул языком от удовольствия, заметив мелко порезанные корешки, которые он принес на прошлой неделе из Большого Аркаима – запарившись, они добавили кушанью незнакомый пряный аромат, чуть островатый вкус, от которого жгло на языке и в гортани.

Юноша, не пытаясь продолжить разговор, принялся

за ужин. Ел обстоятельно, не торопясь. Брал ломоть хлеба, отламывал еще теплую, спелую мякоть и окунал в бульон, дожидаясь, пока хлеб впитает в себя красновато-золотистую жидкость, отправлял ее в рот. Он не смотрел на домового, знал – тот забрался на припечье и наблюдает за ним, ждет, когда насытится и похорошеет.

– Не дают тебе покоя те жилы золотые? – спросил, наконец.

Услышав голос Малюты, Лесьяр усмехнулся. Но промолчал, продолжая неторопливую трапезу. За окном, далеко в поле, подвывали мары, те, что посмелее, скреблись о калитку, не решаясь переступить отмеченную домовым границу. Аптекарь подавил вздох – спать ему сегодня точно не придется.

– Говорю тебе – забудь, хозяин, не к добру это, – горячо продолжал Малюта. Его взгляд горел. И без того взъерошенные волосы, казалось, встали дыбом, а в чертах появилось что-то звериное, злое.

– А что к добру? – Лесьяр вскинул голову, посмотрел на домового строго. Тот сразу сник. – Вот ты говоришь, не к добру это, я а думаю обратно: потому твари эти так берегут секрет жил золотых, что сами владеют им незаконно.

Малюта вытянул шею, посмотрел округлившимися глазами:

– О чем это ты?

Лесьяр отодвинул пустую миску, положил локти на стол.

Он какое-то время молчал. И в эти несколько мгновений было слышно, как бьется сердце домового, как сипло дышит мара в коробе – оба в ожидании его слова. Слышал, как потрескивают уголья в остывающей печи. Посмотрев в насто-роженные глаза домового, юноша наклонился вперед:

– О том, что крадут они их... у нас крадут, у людей...

Малюта тряхнул лохматой головой, пригладил в задумчивости загривок, лицо стало растерянным.

– Никак не возьму в толк, о чем толкуешь, – пробормотал, хоть по глазам ясно было – все он понял.

Аптекарь криво усмехнулся:

– О том, мил-друг, что Силы все меньше. Небось, и сам ведаешь... Князь сказывал, на наш век хватит, а дети уж все без нее останутся. Что тогда? Поворотные камни замолчат. Заповедные тропы невидимыми станут. Целые страны опустеют, города сойдут с лица земного, потому как не будет к ним ни тропы, ни дороги. Но и того мало: все знания наши уйдут. Что я, аптекарь Лесьяр Городец, стою без Силы, ежели на ней вся моя работа зиждется? Все мои снадобья... – он беспомощно развел руки, – все мои секреты окажутся просто... травами.

– Не хочешь ли ты...

Малюта осекся. Уставился на хозяина со смесью испуга и восторга. Лесьяр, поймав его взгляд, удовлетворенно кивнул, выпрямился и зачем-то переставил пустую миску:

– Именно о том и толкую, Малюта. – он ударил кулаком

по столу, заговорил хоть и тихо, но зло. – Твари эти кладбищенские нашу Силу воруют и ею живут, – он ткнул пальцем воздух в направлении притихшей в коробе мара. Та, словно почувствовав жест, робко пошевелилась. – От того они постоянно трутся у жилья, от того лучше сгорят заживо, чем раскроют свой секрет... Но я близок, как никогда близок, к тому, чтобы раскрыть их тайну.

Мара внутри издала звук, похожий не то на плач, не то на смех, но не проронила ни слова, снова затихла, вслушиваясь в разговор.

Лесьяр встал, решительно пересек комнату и оказался в закутке, служившем ему мастерской, вытащил из-под лавки высокую и круглую в основании клетку. Ее кованные прутья перевивались так плотно, что оставляли небольшие, размером не больше куриного яйца, просветы. Открыв дверцу, аптекарь придвинул клетку к узкому рабочему столу, стоявшему у стены, в темном закутке, спрятанном от посторонних глаз плотной занавесью, подбитого оленьей кожей. Отодвинув занавеску, юноша убрал с рабочего стола хрупкие горелки, небольшой сундук с пустыми склянками для снадобий и солей, очистил от накопившейся за время своего отсутствия пыли. Малюта, заметив последнее, заметно покраснел, дернулся, чтобы исправить оплошность, но остановился, как вкопанный, увидев, что хозяин сделал дальше. На остроносом лице домового застыл ужас и отвращение.

А Лесьяр достал с полки тонкие ветки полыни, положил

рядом с собой и, открыв клетку, положил ее на бок на стол, отодвинув от края. А на этот самый край поставил короб с кладбищенской марой и тоже положил его на попá так, чтобы крышки короба и клетки совпали. Приоткрыв короб, он ударил по дну, заставив мару зашипеть:

– Выходи! – велел.

Мара, не подчинившись, забилась в угол короба – Лесьяр чувствовал ледяной холод от стенки и тяжесть. Предупредил:

– Хуже будет.

– Хуже не будет, – мара дышала тяжело, отрывисто и со свистом.

Тогда аптекарь взял ветку полыни и просунул ее между прутьями короба с той самой стороны, где спряталась мара. Та взвизгнула и дернулась к другой стенке. Лесьяр просунул полынную ветку и туда.

– Неужто так жжется полы́нушка? – юноша говорил сквозь зубы, вставляя все новые и новые прутья и заставляя мару метаться внутри короба, пока по неосторожности та не вывалилась из него прямо в распахнутую пасть железной клетки. И в этот момент Лесьяр ловко захлопнул ее и щелкнул задвижкой. Подняв клетку за кольцо, поставил на стол. Мара, оскалив звериную пасть, бросилась на юношу, но ударилась костлявой грудью о прутья. Клетка качнулась, едва не свалившись на пол. Выставив вперед тощие руки, мара шарила, пытаясь дотянуться до Лесьяра, злобно шипе-

ла и брызгала зловонной слюной, шарила руками, но беспомощно хватала только воздух. Аптекарь вовремя отскочил и теперь смеялся, наблюдая за стараниями кладбищенской твари – ее тонкие руки застряли в отверстиях, сковав и сделав легкой добычей – и впалая грудь, и ребра оказались теперь без защиты, Лесьяр мог дотронуться до них без опаски быть исцарапанным ее ядовитыми когтями.

Он покосился на остолебеневшего домового, прикрикнул на него:

– Чего встал? Помоги! Жердь подай.

Малюта, отвел взгляд от плененной и истошно визжащей мары, засуетился: опрометью бросился к другой стене, начисто забыв, что сам поставил жердь у входа в дом. Вспомнив, поторопился туда и подал Лесьяру, уже чувствуя загривком, как хозяин сердится – домовый знал этот словно подернутый темнотой лед в глазах юноши.

Мара, разглядев Малюту, замерла. Ее неистовый взгляд застыл на его лице, скользнул к четырехпалым рукам. Мара зашипела:

– Ты такой же, как я... Помоги!

Лесьяр ударил по прутьям клетки, та содрогнулась и едва не слетела со стола. Мара, воспользовавшись моментом, сцепила зубы и, не отрывая взгляда от окаменевшего Малюты, принялась раскачивать клетку, толкая ее вперед и назад. Ее зеленовато-синие глаза блестели, на губах играла кривая и надменная усмешка. Чтобы юноша не смог к ней прибли-

зиться, она неистово крутила кистями нескладных рук, застрявших между прутьями, от ран по железу сочилась ее зеленоватая кровь, больше похожая на слизь. Острые когти пару раз едва не рассекли грудь аптекаря. Тот подобрался и отскочил, но так, чтобы придержать клетку за спиной мара.

– А ну, пасть закрой! Он не чета тебе, – он протянул руку, проорал домовому, выводя его из оцепенения: – Малюта, жердь!

Домовой, будто очнувшись, всунул деревяшку ему в кулак и стремглав отскочил прочь, к печи, и забился в щель у зольника, обхватив колени руками и вжав голову в плечи.

Лесьяр, просунув жердь в кольцо, приподнял его и, не позволив маре приноровиться к новому положению клетки, ловко подвесил к потолку.

– Вот так-то лучше, – пробормотал, закрепляя на крюке.

Мара, коротко взыв и окончательно сорвав кожу в подмышках, выдернула руки из отверстий, вцепилась в прутья и принялась раскачивать клетку так, чтобы та соскочила с крюка. Аптекарь лишь усмехнулся. Взобравшись на приступок, он захлопнул крепление, полностью закрыв петлю. На мгновение он оказался лицом к лицу с марой – та с ненавистью уставилась на него, в зеленовато-синих глазах кладбищенской твари искрился страх наполоам с отвращением: она, наконец, поняла, что оказалась не случайной жертвой ловкого аптекаря, он охотился именно за ней. И заранее знал, что изловит. Он выслеживал ее, приготовил ей тюрьму,

отрезав все возможные пути к побегу.

Поняв это, мара перестала сопротивляться. Ее нескладные руки опустились. Несколько раз выдохнув, она набрала в грудь воздуха, чтобы закричать сестрам. Но Лесьяр словно ждал этого момента, стоило ей открыть рот, как он бросил ей в лицо щепотку соли.

Мара захлебнулась собственным криком, захрипела от боли, скорчившись на дне клетки. Закрыв лицо израненными когтистыми лапами, она крутилась юлой и отчаянно выла. Сперва тоненько, потом все громче, мгновение – и ее крик зазвенит под потолком круглого дома аптекаря. Зеленовато-бурая, в темных, словно трупных, пятнах, кожа взбугрилась, покрылась бубонами, которые лопались и сочились ядовито-красной жидкостью. Мара сипела, покачиваясь, все еще не в силах дышать. Лесьяр же схватил клетку и чуть наклонил ее, чтобы запертая в ней тварь точно услышала все его слова до последнего:

– Ты будешь молчать. – Прошипел, отчетливо проговаривая каждый звук. – Ты не станешь звать сестер, ведь любая из них может занять твое место. А разговор у нас с тобой будет до-олгим и непростым. И тем сложнее он будет для тебя, чем больше станешь отпираться... – он дождался, чтобы мара посмотрела на него. – Мне нужен секрет золотых жил. И я получу его, от тебя ли, от любой из твоих сестер – не суть. Сегодня ночью или через неделю.

Он резко отпустил клетку, от чего мара больно ударилось

о прутья плечом. Опустив от обожженного солью лица ладони, она посмотрела на юношу с холодной ненавистью, но не проронила ни слова.

Лесьяр понял ее молчание. Кивнул:

– Желаешь отпираться. Ну что ж... Твоя воля. Запасы обычной соли у меня немалые, сама ведаешь, а особой принес от погоров еще больше. А погорская Соль какая, о том ведаешь?.. Да есть и другие забавы, что понравятся тебе не меньше... Я заставлю тебя говорить.

Он спустился с приступка. Деловито убрал со стола короб, отставил его к стене, стряхнул с поверхности пыль и мелкий мусор, брезгливо стер тряпицей слизь, оставленную марой. Подумав, бросил тряпицу тут же, под стол, словно будучи уверенным, что она ему еще пригодится. Он чувствовал, что мара наблюдает за ним. Видит, как он снимает с полок короба с солью и другими снадобьями, каждое из которых не способно убить ночную тварь, но изрядно ее помучает. Как деловито раскладывает на столе, да так, чтобы мара могла видеть, что ей уготовано. Идеи приходили к аптекарю она за другой, и по тому, как у пленницы учащалось дыхание, догадался – он выбирает правильные средства. Мара боится соли, боится солнца, боится всего, что пропитано ими. Были у него и другие растения, что впитали ярилину мощь. Были и морские диковинки – мелкие ракушки, собранные со дна и перемолотые в мелкий песок, их он на море испробует впервые.

– Что ты хочешь, аптекарь? – обреченно прохрипела мара. Лесьяр, не оборачиваясь и не прекращая подготовку в пытке, бросил:

– Я сказал тебе. Секрет золотых жил, ты здесь из-за него. Скажешь, что это и как собирать их да как пользоваться, отпущу.

Мара прищурилась. Лицо ее распухло и по выражению теперь нельзя было понять, что она думает. Длинные и когтистые пальцы подрагивали. Она рассматривала их с долей грусти. Посмотрев в сторону болота, из которого Лесьяр приволок ее, едва слышно вздохнула:

– Не могу я сказать тебе.

Время тянулось так долго, что цветные стеклышки-павлиньи перья, тянувшиеся от окна к противоположной стене, добрались до нее и стали медленно меркнуть. Неждана старалась не шевелиться, сидела, вжавшись в скамью – тогда зайцы почти забывали о своем задании следить за ней и замолкали. И тогда Неждана могла слышать громкие мужские голоса – один резкий, второй – низкий и певучий. Резкий голос звучал требовательно, словно хотел получить решение прямо сейчас. Неждана узнала властные интонации отца. Он нервничал и определенно злился. Волхв отвечал ему спокойно, убедительно.

Дважды в гостевой зал заглядывала Ядвига, предлагала спуститься в кухню и поесть. Неждана оба раза с раздражением отказывалась. Тогда Ядвига принесла обед в гостевую комнату. Княжна мельком взглянула на поднос и отвернулась, надеясь услышать хоть что-нибудь ценное.

– Отведай, – настойчиво попросила Ядвига и придвинула поднос к Неждане, чуть толкнув его на лавке. Неждана отмахнулась. Но на ее резкое движение оживились деревянные зайцы, затопали, заголосили с утроенной силой, окончательно заглушив то, что происходило в опочивальне матери.

Неждана зло глянула на Ядвигу. Схватила кусок хлеба с подноса, залпом выпила крынку молока. С шумом вернула

ее на поднос.

– Все, иди! – махнула рукой, чтобы прислужница ушла.

Та неодобрительно покачала головой и тихо вышла в проходные сени. По лестнице постучали ее каблучки и через мгновение стихли в нижней горнице.

Зайцы голосили на десять голосов. Княжна не выдержала, прикрикнула:

– Да тихо вы!

В этот момент распахнулась дверь опочивальни, на пороге появился смурной отец. Княжна вскочила. Посмотрев, как дочь не может сладить с игрушками, князь вздохнул:

– Видишь, с побрякушками не сладила, а с Гостомысловым внуком говоришь сдюжишь, – отозвался с укором.

За его спиной появился волхв. Князь пропустил его. Старик, опираясь на кривой посох, неторопливо пересек гостевой зал и вышел в сени, не удостоив юную княжескую дочь и взгляда. Олег засобирался за ним, направился к выходу. Неждана преградила ему дорогу.

– Что... – девушка осеклась, потупила взгляд. Но лишь на мгновение. – Что вы там делали? Так долго.

Отец смотрел на нее долго. Так долго, что княжна решила – не ответит. В глазах князя сомнение сменилось жалостью, жалось – виной. Но и она потухла под горящим взглядом дочери. Он разомкнул губы, чтобы ответить, но снова смолк. Положил тяжелую ладонь на плечо дочери. Неждана почувствовала, как к горлу подступил противный комок,

как он перехватил связки, не позволяя сказать и слова. Опустив голову, сглотнула его.

– Отец... Я знаю, о чем ты молчишь, но не надо, – она снова подняла на него покрасневшие, припухшие от невыплаканных слез глаза. – Ей лекаря надо. Если надо, то и за морского. Если надо, то отвезти к нему. Она же встает...

– В полнолуние, – напомнил князь.

– В полнолуние, да, но встает же. Значит, не мертва. Значит, может выздороветь... Стоит только найти средство.

– И не узнает даже тебя, свою дочь, кровь от крови своей, плоть от плоти своей, – еще жестче напомнил отец.

Неждане пришлось снова опустить голову, на этот раз – чтобы спрятать слезы, те предательски скатились по щекам, сомкнулись ручейком на подбородке, упали тяжелыми каплями на грудь девушки. Отец похлопал ее по плечу:

– Пустое это, дочь... Не мучь ни себя, ни ее... ни меня. Все решено.

У Нежданы сердце упало, зашлось от страха и замерло. В груди стало холодно, как будто сердце оказалось на ледяном морозе, под жестоким ветром, и тот выстудил из него все живое тепло.

– Ч-что решено? – прошептала беззвучно.

Отец посмотрел строго:

– Завтра я объявлю, что возьму новую жену. До первых заморозков свадьбу сыграем.

Неждана стояла и не верила тому, что слышит – отец возь-

мет новую жену, а как же...

– А как же мама?

Олег отвел взгляд, скулы стали острее и жестче.

– Поедет в скит...

Щеки княжны вспыхнули, взгляд метнулся к двери в проходные сени, за которым скрылся черный волхв, ноздри схватили ставший плотным и пропитанным неприязнью воздух:

– К нему? К Черновцу? Да он сгноит ее в Пустоши! Лучше сразу убей ее, чтобы не мучалась!

Неждана с ужасом представила, как мать очнется ото сна в очередное полнолуние и обнаружит себя в темной келье, на жесткой холщевой подстилке отшельницы, в жалком рубяще. «Это убьет ее».

Отец будто прочитал мысли дочери, полоснул взглядом:

– Будет так, как я сказал.

Сбросив с плеча дочери руку, он стремительно направился к выходу, Неждана бросилась за ним, вцепилась в рукав и повисла на нем. Ткань под ее весом с хрустом разошлась. Девушка перехватила руки, вцепилась в заручье, рухнула на колени:

– Не губи ее! Позови лекарей! Только о том молю!

Отец посмотрел на нее не то с жалостью, не то с холодным презрением, выдернул руку – княжна, потеряв опору, рухнула на бок.

– Поздно, княжна. Решено.

– Не скажешь?

Мара, злобно сверкнув глазами, отвернулась.

Лесьяр почувствовал, как по телу – от горла, перехватывая дыхание, к кончикам пальцев разлилась волна разочарования. И – словно выключили в голове свет – из нее исчезли все мысли, чувства, кроме одного – ледяного бешенства: все зря. Зря ставил ловушки, зря бродил по болотам, зря тащил на своем хребте эту тварь – она никогда не выдаст своих тайн.

А сам он не мог их разгадать.

Золотые жилы он обнаружил давно, еще в детстве. Нашел, хотел рассказать Яге, воспитывавшей его. Но старая ведьма в тот день вернулась с охоты особенно злая, с порога наградила затрещиной и велела сгинуть с глаз долой. Ночуя в лесу, на сырой земле, укрывшись лапами старой ели, он сперва от обиды решил, что ничего не расскажет. А потом понял, что и не стоило делиться с каргой такими знаниями, ведь Яга, как он узнал чуть позже, ничего не знала о золотых жилах – она их не видела, хоть и шастала между мирами живых и мертвых.

Так он стал обладателем секрета, доступного ему одному. Со многими магами и волхвами беседовал он с тех пор, но ни один, бывавший в междумирье, не видел золотых рек.

Вот тогда-то он и стал в Забытье ходить с особой охотой, не страшился ни холода могильного, ни тишины оглушающей, ни мар, что стерегли все богатства междумирья. Чтобы Яга не заподозрила неладное, он послушно собирал травы для снадобий, искал нужные камни. И наблюдал.

Заметил, что золотых жил больше у колодцев и ручьев. В междумирье они темнели сырыми протоками, к ним тянулись протоптанные тысячами людских ног дорожки. Тогда аптекарь решил, что жилы как-то с водой связаны. Но потом понял, что нет – во время дождей проливных все жилы исчезали, а потом появлялись, но часто уже в других местах.

Однажды, подкравшись к небольшой лужице скопившейся в канавке у дома деревенского старосты, попробовал потрогать жидкое золото – не далось. Сквозь пальцы уходило, ни следа на коже не оставляя. Из-за калитки за ним наблюдала мара. Заметив его старания, ехидно рассмеялась. Вот тогда-то Лесьяр и понял, что мара их тоже видит, больше того – они знают, что это за жилы. Тогда-то и началась охота за ними.

И вот сейчас, когда он не только смог поймать одну из них, да еще и притащил ее в людской мир, все рассыпалось – мара не отвечала. Еле живая, запуганная и замученная, она продолжала упорствовать.

Подойдя к свернувшейся в клубок твари – ее плечи подрагивали от боли и бессильной злобы, а из ран сочилась злобонная зеленовато-желтая сукровица, прошептал:

– Скажешь – отпущу. Будешь упорствовать – засыплю солью, а твою сестру поймаю и стану пытаться ее... Так же. Месяц потрачу, год. Пока не найду ту, что раскроет секрет золотых жил. Слушаешь меня? – окрикнул и ударил по металлическим прутьям. Клетка опасно накренилась, заставив создание сжаться. – Поняла ли?

Мара чуть повернула к нему голову, с трудом разлепила потрескавшиеся губы:

– Отпустишь?

– Отпущу...

Мара медленно села. С опаской посмотрела на рассыпанную на столе, совсем рядом с ее клеткой, поваренную соль – от нее поднимался тонкий едко-голубой дымок. Мара втянула носом воздух.

– Спрашивай.

Лесьяр не стал ждать, чтобы ему предлагали дважды, приблизился к решетке и склонился к пленнице. Спросил о главном:

– Что такое золотые жилы?

Он смотрел пристально, не упуская изменения выражения морды кладбищенской твари, улавливая ее страх и смятение на глубине гнилушно-зеленых глаз.

– Мы зовем ее акханда. Она всегда рядом с людьми... течет, как вода.

– Для чего она? – спросил, но мара, посмотрев на него, пожалала плечами – мол, не знает. Лесьяр спросил иначе: –

Какая в ней сила?

Мара отвела взгляд. Заговорила тихо:

– Люди говорят – она рождается, с первым их словом. Капля... ручей... целые реки. Акханда открывает нам, когда человек умрет – его реки пустеют. Когда болен – его реки начинают течь вспять, если молится о нем кто-то.

«Ага, значит, жилы как-то связаны со здоровьем», – отметил про себя аптекарь, а вслух продолжил допрос.

– Вы охраняете ее. Ты меня едва не убила, когда я пытался набрать в склянку, – он вспомнил день, когда познакомился со своей пленницей – там, на Грозовом перевале, у заброшенного кладбища. Там золотые жилы казались совсем высохшими и твердыми, почти как сахарная голова. Он попробовал отколоть кусочек ножом, эта тварь набросилась на него и едва не уволокла к Кбщье царство. Именно тогда Лесьяр нанес на мару метку Сварга – крест, чтобы не позволить ей скрыться в мире мертвых, и притащил в мир людей. Тварь взвыла от боли и бросилась в черноту, к сестрам, да только проход схлопывался всякий раз, стоило ей к нему приблизиться. Всякий раз, как мара тянулась в мир мертвецов, домой – крест Сварга не пускал. Лесьяр дождался, когда тварь достаточно ослабеет и, изловив, посадил в короб, обсыпав его поваренной солью.

Пленница между тем пояснила:

– Мары пьют акханду, чтобы выходить из дома в Забытье. «Забытье» – так мары звали междумирье, тонкую про-

слойку между миром живых и миром мертвых, не подчиненное ни чьим правилам и никому не подвластное. Он зацепился за эту фразу – мара явно пожалела, что сказала ее: Лесьяр понял это по сомкнувшимся в замок пальцам, трепету в голосе, по тому, как мара опустила голову, чтобы спрятать взгляд.

– Акхánда появляется с первым словом человека и пропадает перед его смертью. – Лесьяр ликовал от догадки: – Золотые жилы – это Сила, что покинула наш мир?!

Мара посмотрела со снисходительной усмешкой и будто бы даже радостью:

– Забытье – что сито, ему вашу Силу не удержать. Она тяжелая, тугая, будто смола.

Аптекарь озадаченно потер подбородок.

– Тогда что же? – его мучали сомнения: что, если мара лжет?

Он схватил пригоршню соли и занес ее над марой – та зашипела, вжалась в дальнюю стену клетки:

– Что такое акхánда? Откуда она? – мара молчала в ответ. Лесьяр схватился за прутья, дернул клетку на себя, проорал: – Говори, что знаешь!

Несколько крупинки соли сорвались в его пальцев, упали на прутья решетки, мара округлившимися от ужаса глазами смотрела на них:

– Я сказала все, аптекарь! – заверещала она. – Акхánда появляется рядом с людьми, когда те говорят, когда смотрят

в воду или на небо... Мы ждем... мы можем пить – вы нет. Ее нельзя собрать.

Лесьяр вспомнил, что золотых жил особенно много у колодцев и на спусках к реке, где местные бабы полощут белье. И там, и там они болтают без умолку, сплетничают... «Говорят» – это то, что видят мары. А на самом деле они...

– Время... – Лесьяр отошел от клетки. – Они болтают о пустом, смотрят на звезды, гуляют и теряют время. И оно ускользает от них по капле, собирается в ручейки и реки... и именно это время вы воруете, – он резко повернулся к притихшей маре. – Я прав?

Та неохотно кивнула.

Лесьяр стремительно вернулся к столу, на котором стояла клетка, схватился за прутья – соль, задержавшаяся на них, посыпалась вниз, заставив мару взвизгнуть и вжаться в противоположную стенку.

– Как собрать ее?!

Мара качнула головой:

– Ее не собирают.

– Но ты говорила, что вы пьете ее! – Лесьяр прищурился.

Мара прикрыла глаза, глубоко вздохнула – юноша подумал, что она вспоминает, о чем еще проговорилась, чтобы не сказать больше:

– Пьем, не собираем, – она вытянула вперед подбородок, сделала несколько лакательных движений, будто собака. Выпрямилась, чтобы продолжить: – Соберешь – и акханда ста-

нет крѡдхой, нельзя... – она с удивлением смотрела на своего мучителя, как тот, оставив ее, спешно собирает заплечный мешок, бросая в него всевозможные склянки – стеклянные и глиняные, деревянные и кожаные, с узким горлышком и с широким, с носиком и без. Покачала головой: – Акханда убьет тебя.

Лесьяр только хмыкнул. Обернувшись к пленнице, бросил:

– Сиди смирно, вернусь – договорим.

Он вытащил из кармана и бросил на пол плоский путевой камень с начертанным черной смолой треугольником – тот распахнулся бледно-голубым сиянием, пропуская в мир, не доступный для большинства людей. Аптекарь шагнул в него: сияние покрылось рябью, будто поверхность озера от порыва ветра, и схлопнулось, оставив за собой звенящую тишину.

Едва Лесьяр ступил на путевой камень, как грудь сдавило – будто в колодец упал с головой. Ни небо, ни землю перестал ощущать. Но стоило моргнуть, как он оказался в знакомом мире. Мягкое подбрюшьё мира людей, занятое тенями, отголосками запахов и звуков. Не оборóток мира, а его след. Мары, погоры, а следом за ними и сам Лесьяр, называли его Забытьем. Люди все больше звали Морозью. Здесь время текло иначе, чуть замедляясь, и Лесьяр мог видеть то, что произошло пару мгновений назад. Иной раз обернешься – и увидишь самого себя.

Именно это место открыл Лесьяр, когда был в услужении у Яги, именно здесь он собирал свои снадобья. Тут расцветал, полыхая заревом, папоротник, тут росли травы и цветы, которые в подлунном мире не сыскать. Горцветы, мадьяры, лопоухие петунии. Аптекарь не знал всех названий, а потому часто придумывал их сам.

Вот этот, с синим бутоном, похожий на василек, но четырехлистный – если высушить лепестки, то получится ярко-синяя краска. Окрашенное ею полотно не выцветало. Лесьяр просил за краску по десять соболей за щепоть. А вот этот, невзрачный цветок, похожий на одуванчик, что отворачивался пушистой головкой от человеческого тепла, прекрасно лечил от бессонницы. Лесьяр назвал его сонник.

А если его растереть, да смешать с мелко перетолченной травой-кручиной, да добавить пару капель росной воды и замешать на крови, то – сильнейшее приворотное зелье, от которого нет тоски на сердце. Его частенько просили после ночи на Ивана Купала молоденькие девицы, да юноши. Зелье стоило дорого, да еще в него надо было добавить немного крови заговариваемого. А это, ясно дело, риски. Лесьяр брал деньги и за это.

Сейчас полнолуние. Время сбора самых дорогих и сильных трав.

Но аптекарь сегодня пришел сюда не за ними.

Сделав большой шаг – в этом мире его тело словно ничего не весило и могло летать, юноша оказался у ворот Аркаима – невидимый для всех живых, словно дух. Стражники ругались с плотниками, мастерившими помост для княжеской свиты на завтрашней ярмарке.

– Спорнее ставь, – велел стражник. – Ворота́ закрою, как хошь, так и собирайся.

Плотники матюгнулись:

– Сам и ставь, коли споро надоть. Не так сделаем, князь недоволен станет, нам по шее, а вы исполнять и станете. Потому или делаем, как мастер учит, или пеняйте на себя!

Стражники заворчали, но от рабочих отступили.

Аптекарь стоял рядом с ними, невидимый и неслышимый, и наблюдал, как вокруг спорщиков, раз появившись, закрутилась змейкой золотистая пыльца, собралась легким вих-

рем, легла поземкой и медленно осела на землю. Так и осталась лежать золотой жилой, как только плотники работу начали. А вот вокруг стражников, вставших у ворот и принявшихся что-то рьяно обсуждать, золотая пыльца так и продолжала крутиться, собираясь в углублениях и канавках и скручиваясь в золотые ручейки. Присев на корточки, аптекарь в очередной раз попробовал зачерпнуть жидкость из одного из таких ручейков – та просочилась сквозь пальцы, не оставив на них и следа.

Сняв с плеч мешок, аптекарь достал из него фляжку. Наклонив горлышко вниз, попробовал наполнить. Не вышло. Найдя небольшой пригорок, с которого стекал тоненькой струйкой ручеек, подставил склянку, но золотая вода ловко отклонилась и потекла другим потоком.

– Как же собрать тебя?

«Мы пьем ее», – вспомнил Лесьяр, а еще вспомнил, как впервые увидел мару, склонившуюся над золотым ручьем – ему уже тогда показалось, что она пьет. Но, когда мара заметила его и подскочила, никаких следов золотой жидкости не осталось на губах. И тогда Лесьяр решил, что ему показалось.

Сейчас юноша снова склонился к ручейку и коснулся его губами – жидкость затекла в рот, полилась по подбородку, испачкав ворот рубахи. Во рту стало сладко, прохладно, в глазах полыхнуло огнем и тут же потемнело, будто от удара. Голова закружилась так, что аптекарь вынужден был сесть.

Когда к юноше вернулась способность видеть, он заметил, что раны на руке, полученные еще в детстве, у Яги, бесследно исчезли. Обветренная грубая кожа на руках стала гладкой и нежной, почти как у младенца.

– Вот чудеса, – прошептал юноша и стал разглядывать ладони внимательнее. Шрам от ожога на запястье – его не стало. Мелкие ранки, полученные во время поимки мары и сейчас, когда он пересаживал ее из короба в клеть, затягивались на глазах. Аптекарь начинал понимать, что такое эта акханда – золотые нити, опутавшие междумирье. Он пробормотал:

– Живая вода...

И теперь он знал, как ее собрать.

Мара наблюдала за тем, как вернувшийся из Забытья аптекарь вытаскивает из заплечного мешка склянки, доверху наполненные жидким золотом. Оно искрилось даже в мутном свете свечи, а уж когда Лесьяр зажег солнечный свет, то глазам стало больно от разгоревшихся солнц.

Юноша победно поднял склянку, поднес ее к глазам и посмотрел на свет – несмотря на кажущуюся плотность, жидкость оказалась прозрачной, будто родниковая вода. От нее тянуло пряным ароматом восточных сладостей, чуть сладковатым, с нотками цитруса и ванили. На вкус – теперь он знал это совершенно точно – напоминала липовый отвар, который он варил от простуды, с медом, щепоткой корицы и порошком из цедры диковинного лимона. И она, совсем также,

как соляные цветы, пела.

Юноша ликовал. Мара смотрела на золотистую жидкость со страхом и недоверием.

– Как удалось тебе?

Лесьяр лукаво усмехнулся:

– Так уж я тебе и скажу...

Мара в клетке подобрала колени, вцепилась тонкими пальцами в прутья, прошептала:

– Ты получил, что желал. Отпусти меня... Ты обещал.

Лесьяр пожал плечами:

– Я обещал, если ты мне поможешь, то тебя отпущу. А ты ничем не помогла: что сделано, то моя придумка. Так что, – он рассмеялся, ловко упаковывая склянки в корзину. Закрыв ее, убрал в нишу и задернул занавеской. Только тогда повернулся к маре и, скрестив руки на груди, продолжил: – Так что отпускать мне тебя не за что...

Та смотрела на него исподлобья, губы растягивались в недобром оскале, но казалось, она и не ожидала, чтобы аптекарь выполнил свое обещание.

– Пожалее-еш-шь... Ла ха́ара марга́ш-ш, – прошипела сквозь зубы и отвернулась.

Не то сказала кладбищенская тварь что запретное, не то из леса сполз холодный туман. Да только по спине Лесьяра пробежала волна ледяная, будто от сквозняка. Поежившись, он передернул плечами и прислушался: волна не повторилась. «Померещилось», – решил он.

И напрасно. Не стоило ему обманывать мару, каждый день дружившую с самой Смертью.

Всю ночь аптекарь не спал. Малюта из своего закутка, слышал, как хозяин ворочается и вздыхает, как бормочет несвязно. Выглянув из-под одеяла, которым укрывался, огляделся – мара сидела в клетке, уставившись на него. В темноте ее глаза светились расплавленным серебром. Заметив, что домовой проснулся, мара, наоборот, отвернулась и, свернувшись клубком, легла на дно клетки, подсунула жесткие кулачки под щеку и затихла. Малюта вытянул шею, посмотрел наверх – туда, где отвернувшись к стене лежал аптекарь. Тихонько спустил ноги с лавки и замер, прислушиваясь – за окном вздыхал ветер, скреблись о крышу ветки да коротко вскрикивала в лесу голодная ночная тварь. В очаге потрескивали прогоревшие дотла поленья, хрустели, остывая, уголья.

Малюта бесшумно пересек комнату, поднял с пола тряпицу, оставленную Лесьяром у ножки стола, сунул ее в клетку маре. Та недоверчиво обернулась, посмотрела с удивлением, но тряпицу взяла, укрылась ею. Малюта, не мешкая, вернулся на свое место и, накрывшись с головой, отвернулся. Последние часы перед рассветом – хорошо бы выспаться. Но что-то тревожное шевелилось в груди, не позволяя сомкнуть веки.

Словно упустил он нечто важное, а оно теперь непременно

но понадобится. Да только упущенное не вернешь, не сыщешь.

Вздыхнув от безысходности, Малюта все-таки задремал, да так крепко, что не услышал, как поднялся с первыми петухами хозяин, как затопил печь и вышел во двор – первую росу караулить. Не увидел, как ловко сбросила предложенную на ночь тряпицу мара и скинула сквозь прутья на пол, под стол – чтобы не подставлять домового под гнев строгого хозяина.

Очнулся, будто толкнул кто, ровно за минуту до возвращения хозяина. Подслеповато щурясь, скрутил платок, нацепил на тощие плечи кафтан, что служил ночью подушкой. Ловко бросился к печи и вытащил заготовленную с вечера кашу – та распарилась в теплом очаге, напиталась кореньями и травами, стала ароматная. Прислушиваясь к бормотанию Лесьяра, глубокой деревянной ложкой зачерпнул каши и сунул в клетку маре, положил горкой прямо у ног пленницы.

– Храни тебя мать Морена, – прошептала мара и жадно проглотила угощение, хватая его пальцами и обжигаясь.

В тот момент когда в дом вернулся аптекарь, наклонилась и слизала остатки каши и отвернулась, облизнув когтистые пальцы.

Малюта деловито суетился у стены, накрывая на стол – поставил бадью с водой, ложку, придвинул к центру стола небольшую пузатую крынку с маслом, глубокую тарелку. Достал с верхней полки сладкие сухари и пряности – Лесьяр

любил их, всегда сам добавлял по вкусу.

– Здравия, хозяин, как спалось? – Малюта положил на угол стола чистое хрусткое полотенце и отодвинулся, продемонстрировав юноше, что успел все приготовить, хоть и непозволительно долго разоспался.

Аптекарь пересек комнату, снял с полки высокую мутную бутыль. Слил в нее то, что успел собрать за эти минуты во дворе.

– Как младенец спал, – отозвался рассеянно.

Малюта усмехнулся:

– Хм, видать беспокойный ты был младенец, матушка с тобой, небось, намыкалась... Я думал, не засну от скрипа, так ты на полатах вертелся.

Он прислонился к стене, скрестил руки на груди.

Лесьяр сурово взглянул на него, направился к столу:

– Надо к реке идти, на дальний промысел, надобно много росных вод... Много больше. А тут их ветром сдувает.

Малюта деловито приосанился – за росными водами к дальнему ручью обычно ходил он. И «много вод» требовалось перед ярмаркой, когда хозяин заготовливал много элекси́ров да снадобий на продажу: какие-то продавал порошками, а какие – мазями, отварами да настойками. Малюта любил ярмарку – малютку-домового всяк любил пряником сладким одарить, чтобы товар аптекаря заполучить со скидкой, да только Малюта хорошо помнил, кто его от беды спас, кто за ним в огонь полез да из огня-то и вытащил. От того

служил Лесьяру верой и правдой. А ушлых покупателей, желавших обманом получить лишкá, с удовольствием объего- ривал: скупой да жадный плати двойную цену.

– Схожу, чего б не сходить...

– Сейчас отправляйся, – велел Лесьяр, завершая завтрак. – На закате, до первых песен, живицу соберешь, спрячешь в коробе, чтобы ночью не напитались. Дам тебе соли погорской, чтобы все ладно получилось.

– А росу? – Малюта слушал внимательно, кивал, а сам собирался в дорогу – в заплечный мешок складывала краюху хлеба, воду в деревянной фляге, яблоко. Пока Лесьяр договорил, он уже натягивал на босые ступни сапоги. Тулуп и шапка лежали рядом с ним.

Аптекарь развернулся к нему, сел поперек лавки. Внимательный взгляд следил за сборами, как деловито и обстоятельно. Но вместе с тем споро и ловко, собирает домовой в путь, как послушно и беспрекословно все исполняет.

– А росу во фляги соберешь, да смотри, не торопись – дождись первого луча солнца, да как подзолотит ее, так и сбирай, понял ли?

Малюта кивнул, улыбнулся широко:

– Да чай не в первой!

– Не в первой, – отозвался юноша, успев поймать беглый, и будто бы извиняющийся взгляд, который домовой бросил плененной маре. Та виду не подавала, как сидела в клетке, так и сидела, не двигаясь.

Малюта взял в руки кафтан, переминаясь с ноги на ногу, посмотрел на хозяина.

– Я... это... того...

Лесьяр поднял на него вопросительный взгляд, но молчал – ждал. Домовой вздохнул, склонился к уху юноши:

– Можно я ее водой напою? – и незаметно кивнул в сторону мара. – А то ведь ты ... не станешь.

У Лесьяра потемнел взгляд, стал пронизывающе-колким и холодным, домовой поежился под ним, но глаз не отвел.

– Не стану, это ты верно сказал. И тебе не велю.

Малюта насупился, сжал челюсти, но перечить не стал. Помявшись еще какое-то время, будто ожидая, что хозяин изменит свое решение, отрывисто запахнул полы кафтана, подпоясался и, схватив шапку в кулак, выбежал на крыльцо.

– Ишь, какой у тебя заступничек обнаружился, – пробормотал Лесьяр, провожая его взглядом.

– Некоторые твари больше люди, чем сами люди, – пробормотала мара.

Взгляд аптекаря и то, как спешно отправил домового из дому до следующего утра, ей не понравился.

Вопреки ожиданиям мара, Лесьяр, как ушел домовой, будто забыл об ее существовании: убрал со стола, накрыл его старой, прожженной в нескольких местах, холщевой тканью. Выйдя во двор, вернулся через пару минут с тремя объемными коробами из березовой коры, и еще несколькими небольшими глиняными ловушками.

В ловушках и коробах кто-то пищал, стрекотал и бил крыльшками. Мара с интересом и опаской наблюдала за этими приготовлениями из своего укрытия и гадала, что задумал аптекарь.

Ровным рядом тот расставил несколько склянок. В одну налил несколько капель воды. В другую – растопленный на печи жир. В третью – кусочек мягкого свечного воска.

Сняв с полки одну из банок с золотыми жилами-акхандой, юноша вытянул из крыши толстую соломинку и, отломив кончик, подул внутрь – из отверстия полился тонкий, будто звон комара, свист. После этого, убедившись в чистоте отверстия, аптекарь опустил один конец соломинки внутрь банки. Волшебная жидкость расступилась, образовав что-то наподобие воронки, взобралась по стенкам склянки выше, к узкому горлышку. Лесьяр обхватил губами конец соломинки и легонько дунул – от его дыхания золотая жидкость вздрогнула. Тогда аптекарь втянул немного золотой жидко-

сти в соломинку, заткнул верхнее отверстие пальцем и перенес к подготовленным на столе флакончикам – в каждую выдул по несколько золотых капель. Не сдержался – покосился на затаившуюся в клетке мару, гордый от своей догадки: раз акханду можно пить, значит, она должна слушаться дыхания.

В воде золотая жидкость застыла смолой, не смешавшись с ней. Вода при этом загустела и будто бы кристаллизовалась. Лесьяр отправил следующую каплю в склянку с жиром – тот мгновенно закипел, запузырился, а когда накипь осела, в стенки посуды оказался впаян мутно-желтый камень. И сколько Лесьяр не пытался его оторвать от стенок, у него ничего не вышло. Когда же он ударил рукоятью ножа по склянке – та вместе с впаянным кристаллом разбилась в мелкий стеклянный песок, помутнела, окончательно перестав отливать золотом.

Аптекарь вздохнул. Положил ладони на стол, опустил голову на грудь в задумчивости. Мягкий золотистый свет, что падал из склянок, подчеркивал его профиль – острый нос с горбинкой, непокорные пряди волос, спадавших на глаза и закрывавших их, решительный и мрачный профиль человека, делающего важный выбор.

Он приоткрыл глиняную ловушку, выдул каплю акханды на сидевшего внутри жука – тот сперва подпрыгнул, будто ужаленный, перевернулся на спинку и какое-то время барахтал тонкими лапками. Место на панцире, куда упала золо-

тая капля изменило свет, скукожилось и стало распадаться, на глазах превращаясь прах. Рана разрасталась, и вот уже от жука не осталось ничего, кроме кучки черного пепла.

Лесьяр молча смотрел на нее. Подумав, он повторил опыт на пленнике из другой ловушки и, наконец, на пойманной птице – все трое погибли мгновенно, мучительно, одинаково обратившись в прах.

Мара решила – сейчас он вспомнит о ней и спросит, что не так, но юноша упорно молчал.

Аптекарь бормотал:

– Если золотая жила живой здоровой плоти коснется, то убивает ее. Почему?

Ведь, когда он собирал ее, он касался ее губами, однако остался жив. Или такое губительное свойство золотых жил – в мире людей? Много вопросов, на которые могла бы ответить плененная мара. Аптекарь перевел на нее тяжелый взгляд, заметил, как та жадно наблюдает за ним.

«Может, много для такой мелюзги?» – предположил, продолжая рассеянно разглядывать мару.

Та занервничала, отступила от решетки и отвернулась. Холодный и пристальный взгляд аптекаря заставил ее нервничать, ежиться под ним.

– Они прокляты, коснувшись акханды, – бросила мара, не выдержав взгляда аптекаря. Ссутулившись, села спиной к юноше, скрючившись в своей клетке.

– Я тоже касался, но жив, – мрачно отозвался Лесьяр. Ма-

ра лишь раздраженно повела плечом в ответ, тряпье, прикрывавшее ее наготу, сползло с тощего предплечья – на серой коже поблескивали еще не зажившие следы от ожогов солью и солнцем, которыми он мучил ее накануне.

Он отвел взгляд. Взял глиняную плоскую ступку, в которой когда-то давно перетирал снадобья, вытер полой рубахи. Плеснув в нее чистой воды, поставил в клетку, рядом с марой. Та не видела, как он все это проделал, а потому дернулась от неожиданности и едва не перевернула угощение. С опаской замерла, принюхиваясь к содержимому чаши. Ее губы потрескались до крови.

Аптекарь, тем временем отошел к столу, вернувшись к работе и не оглядываясь на пленницу. Почувствовав ее замешательство, понял – она не видела, что он налил в ступку, а потому сейчас гадает, не хочет ли он ее отравить.

– Это вода... – бросил через плечо. – Просто вода.

Мара уставилась на него с удивлением, осторожно взяла в руки чашку, поднесла к губам. Продолжая смотреть в спину склонившегося над столом Лесьяра, она втянула небольшое количество жидкости в рот, не проглатывая подержала на языке. Прислушалась. И только после этого медленно проглотила. Второй глоток сделала без опаски, наслаждаясь прохладой чистой, колодезной воды.

Оставив на дне несколько капель, она смочила палец и провела по припухшим и воспаленным ранам и даже застонала от облегчения.

Аптекарь обернулся на звук – в его руке поблескивала соломинка с оставшейся золотой жидкостью, предназначенная для последней склянки, с пчелиным воском.

– Спас-сибо, – прошелестела мара, отставляя чашу в сторону. Ее прозрачно-зеленый взгляд скользнул к склянке с воском. Тонкие губы растянулись, неохотно пропустив слова: – Плод живого света... хорошо...

И она кивнула, впервые посмотрев Лесьяру в глаза. «Плод живого света? Воск делают молодые пчелы, – обдумывал услышанное аптекарь. – Воском можно запечатать слово, слить болезнь или дурной глаз... Я растворяю погорскую соль в пчелином воске».

Это могло сработать. Затаив дыхание, юноша опустил в сосуд с воском золотую жидкость.

Та растеклась, повторив изгибы неровного, мутно-желтого кусочка. Но, в отличие от предыдущих опытов, не изменилась сама и не изменила воск – он по-прежнему выглядел самим собой, принимая волшебную жидкость и пропитываясь ею. Аптекарь аккуратно ткнул кусочек воска соломинкой – тот перевернулся на бок, заблестел, словно на него попали солнечные лучи. Лесьяр переставил склянку на печь, в тепло, присел на корточки и стал наблюдать. Воск стал мягче, заискрился. От него потянуло мягким медовым ароматом с диковинными оттенками ванили и ладана. Золотистый свет, шедший из глубин воскового шарика, усилился, тихо заливая дом аптекаря. А аромату ванили и ладана добавил-

ся горьковатый и острый запах – полынный. Мгновение, и в склянке оказалось ароматное кремообразное вещество, светящееся изнутри и теплое. Аптекарь снял склянку с теплого камня – вещество внутри никак не изменилось.

– И что же ты теперь? – пробормотал аптекарь и огляделся.

Их с марой взгляды снова встретились: он смотрел с вопросом, она – с трепетом и удивлением. Ее взгляд стал мутным, обращенным мимо Лесьяра, задумчивым. Ее лицо изменилось, потемнело еще больше прежнего. Отпрянув, Мара забилась к дальней стене клетки и запричитала:

– Ива ах²им², нет, и²ва ах²им! – она закрыла голову руками. – Нет!

Лесьяр смотрел на нее с недоумением, пожал плечами:

– Ива ахим... Знать бы еще, что ты лопочешь.

Он подошел к корзинам, открыл ту из них, что стояла с краю, у ножки стола, и свободной рукой за шкурку достал почти издохшего зайца с перебитой лапкой. Бедное животное безвольно повисло в его руках. Лесьяр покосился на мару – та перестала причитать, и теперь округлившимися от любопытства глазами уставилась на животное. Аптекарь усмехнулся – этой твари определенно интересно, что получится, но на себе проверять боится. «Ива ахим», – повторил за ней Лесьяр.

Он поставил склянку со снадобьем на угол стола. Поло-

² Большое зло.

жив животное на стол, внимательно осмотрел лапу, почти сразу нашел место перелома – кости острыми краями прорвали кожу. Аккуратно расчислив от шерсти рану, промыл ее теплой водой. Глиняной лопаткой достал со дна склянки только что приготовленное снадобье и, чуть его втирая, смазал место перелома – посиневшая кожа побледнела, приобрела здоровый вид, а запекавшаяся кровь в месте разрыва тканей будто ожила, зашипела и запенилась, он раны пошел едкий пар, как из кузницы, с примесью металла и горячей полыни. На глазах аптекаря кровь будто потекла вспять, а поврежденная кожа на лапке – затягивалась стремительно и бесследно. Мгновение – и вот на бледной коже остался виден лишь синеватый, припухший след. Еще мгновение – исчез и он.

– Вот тебе и «ива ахим»... Чудеса... – выдохнул аптекарь, склонившись над животным. Он едва успел перехватить его – заяц в одно мгновение подскочил и собрался бежать. Повиснув на руке юноши, он барабанил передними лапками, пытался и неистово вращал глазами-бусинками. – Погоди, дружище, дай-ка тебя рассмотреть хоть!

Лесьяр еще раз прощупал ту лапку, которую только что лечил – только выстриженная и волглая шерсть говорила о том, что на ней были какие-то повреждения. Заяц дергал трепетным розовым носом и пытался вырваться. Аптекарь не отпускал его, осматривая. Отправив назад в корзину, ловко закрыл на замок и спустил на пол, придавив сверху парой

поленьев для верности.

– Посиди-ка, дружок, мне за тобой присмотреть надо.

Он, наконец, перевел взгляд на присмирившую мару, посмотрел победно. Та уже успокоилась, снисходительно хмыкнула.

– Думаешь, нашел все ответы?

Лесьяр усмехнулся:

– Думаю, нашел. – подбоченясь, он осматривал стол. – Думаю, что хорошим получится снадобье, на росной воде заведенное. Малюта как раз ее сейчас добывает. Она сильная, самая сильная из всех... И ее коснулось солнце, что хорошо.

Мара не стала спорить. Откровенно говоря, она была уверена, что аптекарь не соберет акханду, но он собрал. Более того, он пронес ее в мир людей, и его рецепт смог сохранить ее свойства. А – как знать – может быть и открыть новые. Одно было совершенно ясно – в ее помощи аптекарь не нуждается, а значит, рассчитывать на милосердие и свободу не приходилось.

Малюта шел неторопливо – до вечерней росы еще большой день, а дорога не слишком-то и дальняя: до поворота, в рощицу, на развилке свернуть влево, к ручью, перебраться на другой берег по камням и крупной гальке, не забыв про заветные слова – а там и до росной поляны на краю земли рукой подать.

На краю земли – это потому что дальше начинались земли, которые стерегла Яга. Темный лес щетинился и скалился зелеными огоньками пустынных домов и заброшенных нор. В том лесу почти не селились – больно Яга на старости лет крута нравом стала, да подслеповата – нет-нет, да нечисть могильную проспит. Та на деревни нападет, скот потаскает, колодцы отравит. Или еще какое лиходейство совершит. От того и отгородились от нее ручьем заветным.

Лесьяр тоже не спал – обереги поставил, Малюта сейчас шел, куда не глянет, везде замечает особые приметки хозяина: вот знак тайный на стволе выжжен, вот ветка особо надломлена, вот поперек дороги соль погорская рассыпана в заранее пробитую канавку, да сверху и присыпана – людскому глазу не видать, а мары да прочий подземный люд уже не пройдет.

И так весело в груди домового становилось, так легко, словно по дому он шел. Ведь метки-то эти его хозяином про-

ставлены, а значит, никакому иному народцу здесь не пройти. Только для него, Малюты, тропка эта ведома и безопасна.

Он миновал развилку, свернул налево и почти сбежал с пригорка к ручью. Желтоватая вода лилась по камням, шелестела о высокий, поросший мхом берег. Гладкие, будто пеньки, камни пересекали ручей наискосок и чуть не доходили до противоположного берега – Лесьяр делал большой шаг, Малюте же всякий раз приходилось прыгать.

Поправив туесок с едой, водой и склянками для росных вод, он ступил на ближайший к берегу камень.

– Водица-роженіца до света проводница, до тьмы распогодица, на лихо отворотица, – он сделал еще несколько шагов, и, замерев посередине ручья, на самом неприметном камне, укрытом водой, пробормотал: – открой путь...

Камни засветились, будто подсвеченные изнутри. От центра каждого из них спиралью расходились круги по замеревшему ручью. На берегу, к которому шел домовой, загорелись золотые огни-маячки, приглашая на сушу. Малюта, улыбаясь, направился к берегу.

Ступив на него, достал из-за пазухи плоский камень, бросил под ноги со словами:

– Светом путь дорожи.

От путевого камня в обе стороны, словно рукава, потянулись лучики, обогнули полянку, круглую и ровную, упиравшуюся одним краем в речку, другим – в темный неприветливый лес, да сомкнулись у сторожевого камня, оставленно-

го Лесьяром и запечатанного заветным словом.

Солнце стояло высоко, а потому у него еще оставалось время отдохнуть с дороги да подготовиться к неспешной ночной работе. Устроившись под березой, он скинул с плеч кафтан, расстелил его на траве изнанкой вверх, бросил поверх него шапку. Ловко снял сапоги и приладил под деревом. И прям как был, в штанах и рубахе, полез в воду.

Тихая заводь обняла его щуплое тело, погладила натруженные плечи. Малюта, зажмурившись, нырнул под воду и там уже распахнул глаза – подводный мир сразу преобразился, дно отодвинулось, желтоватая вода расступилась. В солнечных бликах, отраженных на дне, играла рыба мелюзга, стелилась ковром трава. Поблескивала мелкая галька.

Подводный народец не водился в этих водах – больно мелкая речушка. Ни жилья не построить, ни рыбы напустить. Разве что иногда забредали в них какие пришлые русалки или водяные. Вот и сейчас Малюта заметил, как из тины за ним следят два внимательных глаза – махнул рукой неизвестному знакомцу да отправился на берег, вынырнул в людской мир, наложив обережный знак – ломаный сварожий крест, чтобы нежить не последовала за ним. Над поляной зацвело огненное кольцо. Легло на траву.

Выбравшись на берег, рухнул в траву. Раскинул руки по сторонам и, широко улыбаясь, уставился в небо – по нему медленно ползли серебристо-розовые закатные облака. Так, глядя на них, домовою и задремал.

Он проснулся от того, что упал в воду. Вернее, ему это показалось – с головы до ног окунулся во что-то мокрое и ледяное. Будто ушат ледяной воды на него, спящего, вылили. Но когда очнулся и резко сел, оказался сух.

А на небе уже всюду разливался красным золотом закат, чернил стволы, прятал в свои погребки краски.

– Проспал! Вот итить твою растудить, проспал! – домовый схватился за голову.

Лесьяр велел собрать живицу, которой ночь еще не коснулась, а где ее теперь найдешь, если ночь всюду расстилала свои покровы. Малюта вскочил на ноги, торопливо напялил сапоги и кафтан, не застёгиваясь, подпоясался, сунув за пояс и шапку. Встал, подбоченясь. Сон, выпустивший его так резко, трогал кончики жестких волос, серебрил мысли. Малюта проморгался.

– Че делать-то? – рассеянно бормотал. Выскочив на поляну, заметил, как один из последних солнечных лучей скользит по ней, едва касаясь верхушек высокой травы. Багряные блики играли на крыльях пчел, также собиравшихся на ночлег. Малюта побежал на противоположную сторону поляны, к еще окрашенным заклатом соснам, на ходу доставая из котомки склянку для сбора живицы. Подлетев к стволу, привстал на цыпочки, чтобы оказаться выше – там, где ночь еще не коснулась сочащейся через трещины в коре смолы.

«Лесьяр пришибет же, – застонал: он успел собрать всего половину склянки, когда ночь окончательно накрыла круг-

люю поляну плотным покровом, и ему пришлось спрятать собранную живицу в котомку и обложить кусками погорской соли дабы не подпустить тьму к собранному снадобью. Малюта с тоской посмотрел на другие деревья – сейчас самый сезон, мог собрать бы даже не на одну ярмарку, а теперь...

«Может, задержаться еще на денек, да собрать жициву завтра вечером? – подумал, но тут же отбросил эту мысль: росная вода испортится. Значит, придется возвращаться и быть выпоротым.

Малюта вздохнул. Присев на горячую еще от дневного жара траву, поджал ноги и почесал переносицу: как он так опростоволосился, сам понять не мог. Уж не околдовал кто? Он вспомнил глаза в тине, повернулся к ручью: на камнях сидела, улыбаясь Малюте, болотница, вычесывала отломленной веточкой из волос тину и зазевавшуюся рыбешку.

Домовой замер, бросил быстрый взгляд на охранные печати, оставленные Лесьяром: ярилина метка на первой от кромки воды сосне горела ярче солнца, освещая поляну. Болотница при этом, держалась от границы, очерченной Лесьяром, на безопасном расстоянии.

– Потерял что? – ехидно спросила, повела голым плечом.

Домовой, привстав и вытянув шею, нахмурился:

– Ты чего тут делаешь? Отродясь ваших сестер тут не водилось.

– Не водилось – завелось, – водяная жительница засмеялась. Смех болотниц был не такой серебристый и перелив-

чатый, как у русалок, отдавал простудой и осенней прохладой. Только эта была совсем молоденькая, еще с зелеными, живыми глазами. И волосы струились серебристым шелком, рассыпались по плечам, едва прикрывая наготу нежити. – Ты вот здесь тоже не водился... а пришел.

– Я по делу пришел, и моя эта поляна. – пробубнил Малюта, оглядываясь по сторонам с беспокойством: из темноты на него смотрели еще как минимум пять пар глаз.

Болотница снова засмеялась:

– Так ли уж и твоя?

– Моего хозяина...

Болотница снова рассмеялась, перестала вычесывать волосы, бросила ветку в воду – та поплыла, подхваченная течением, вдоль берега.

– Не опостылело прислуживать аптекарю? – спросила. – Не пора ли вернуться домой, к свободному народу?

– Это к тварям, что ли, мертвячим? Так то не свободные, то гиблые, – он говорил, а сам прикидывал, кто бы мог прятаться в сгустившейся темноте вокруг поляны.

Болотница тихо спустилась в воду, подплыла к середине ручья, к невидимой глазу обычного человека границе, очерченной волшбой аптекаря. Замерла у срединного камня, посмотрела на домового призывно и ласково:

– Только мы служим самим себе, а ты прислуживаешь человеку. Который тебя ни во что не ставит...

– Который мне жизнь спас, – напомнил Малюта нахму-

рился: – ты дело говори, по которому пришла. Ведь не с речами этими пожаловала от ближайшего болота?

Болотница поджала губы, вздернула и без того острый подбородок:

– Разговор к тебе есть.

– Так говори.

– Так то не у меня.

Малюта подпоясался крепче, нахлобучил шапку:

– Так зови.

Тьма вокруг поляны зашевелилась, заблестела зелеными гнилушечными огнями. Сердце Малюты упало – поляну окружили кладбищенские мары, больше десятка, вся семья – старые, с иссохшей до черноты кожей, и молодые, зубастые, с иссиня-черными волосами. Та, что постарше, почти седая и дряхлая, подошла к самой границе очерченного круга. Положила трехпалую ладонь на невидимую стену света, оставив золотой отпечаток парящим в воздухе.

– Без зла в душе пришла, – проговорила хрипло. – С дарами... – Она кивнула, и мары достали склянки, доверху наполненные живицей. Малюта востепенулся, в панике схватился за котомку, заглянул внутрь – в суете он и не заметил, что из нее исчезли почти все заготовленные Лесьяром склянки. Старая мара кивнула, подтверждая его догадку. – За сестру просим. У хозяина твоего томится наша Кхарана, в неволе. Без воды и пищи. Помогите освободить ее.

Малюта, как замороженный, смотрел на мар. Он был од-

ного с ними роста и племени, понимал их странный, гортанный говор и знал исконную, непобедимую силу, которой они владели. И от которой он, как и многие его соплеменники, отказался добровольно, решив связать свою жизнь с живыми.

– Как?

Старая мара пошамкала потрескавшимися губами:

– Проведи в его дом...

Малюта отчаянно запротестовал, замахал руками, закрыв уши ладонями, схватился за живот и затопал ногами – чтобы не видеть и не слышать преступных речей мар.

– Это для вас предательство – мать родная, а для меня дом Лесьяра – мой дом.

– Твой дом, говоришь? А сам готов наказание принять за послушание и слабость, – мара кивнула на стоящие на световой границе склянки с живицей.

– Это мое дело! – Малюта закричал. – Не могу я ее отпустить. Не могу, не просите!

Старая мара разочарованно кивнула, острые плечи опустились. Она была такого же роста, что и домовая, такая же нескладная и худая, с лохматой нечесаной головой, а сейчас стала похожа на.

– Одна кровь у нас, – напомнила. – Веками одним народом жили, да только развели нас реки судьбы по разные берега, вы, домовые с живыми остались, нам, мара, оставив заботиться об усопших. Прошу облегчить страдания сестры

нашей. А если не получится, избавить ее от них... – она посмотрела пронзительно и остро, добавив шепотом: – Ты знаешь, как.

И в следующее мгновение они отступили, смешавшись с тьмой. Малюта остался один, даже болотница куда-то запропастилась, может, уплыла, может, притаилась у брода. Только сверкали в остатках солнечных бликов от яриловой печати склянки, доверху наполненные живицей.

Малюта думал лишь мгновение, бросился к собранному снадобью и покидал в мешок, к погорской соли, авось Лесьяр не разгадает, кто собрал ее и исполнил его поручение. Вернее, его часть – Малюте предстояло еще на заре набрать росных вод, но с этим-то уж он не оплошает.

Он дождался утра – сидел, поджав ноги к подбородку, не смыкая глаз. Не от того, что боялся проспать. А от того, что чувствовал, как шевелятся кусты, ловил чужие недобрые взгляды в зарослях, шепот заветных слов, которые то и дело слетали с чьих-то губ, но разбивались о выстроенную Лесьяром защиту – домовой видел, как летели злые слова, словно хищные птицы, как ударялись о невидимую преграду, как та загоралась. И падали заклятья, рассыпались искрами. С шипением угасали и ложились на траву. А в том месте, где падали, оставались черные гнилостные лужицы.

Малюта старался на них не смотреть – было до тошноты жутко и противно.

Он кутался в кафтан, прятал в воротник курносый нос и сильнее нахлобучивал шапку. И ждал рассвета.

– Малюта, – послышал всплеск рядом и знакомый голос: болотница.

– Чего тебе?

– Почто зверем смотришь, иди к нам!

Малюта покосился на нежить, отвернулся.

– Знаю я тебя, только подойди, так на дно и утащишь...

– Зачем мне? – болотница рассмеялась. – Да и не страшно это для тебя. Ведь ты такой же как мы!

Домовой вскочил:

– За отстаньте вы все! Заладили! – он проорал это и тем, кто еще прятался в кустах. – «Один из нас», «один из нас»... Вы на себя-то взгляните?! Что живого от вас осталось? Только жажда да злоба животная. От того и не сидится вам под землей, все к людям лезете...

Болотница оскалилась, зашипела:

– Ты предал нас-с... Ты ушел к людям.

– А коли плохо вам так от людей, так и ступайте восвояси. У нас свой мир, у вас – свой! – отрезал Малюта и тут только спохватился: за разговорами и спором он едва не пропустил первый, самый сильный солнечный луч.

Подпоясался крепче, схватился за котомку – там, на дне, нащупал особую флягу с кривым и чуть вытянутым горлышком. Лесьяр ее специально для сбора росной воды придумал. Предрассветный туман уже собирался у корней, тянулся тонкими лепестками к блекнувшим звездам – Малюта знал этот момент, когда все вокруг словно погружается в разбавленное водой молоко, окутывается тайной и предвкушением нового дня. И вот в тот момент, когда первый оранжево-красный, цвета молодой еще, едва созревшей крови, луч коснулся вершин сосен, он встал на изготовку, у дальней от него стороны поляны. Туман, завершая свой предутренний танец, медленно оседал, будто золотая пудра ложился на нежную листву и сонные еще, едва приподнявшие головки, луговые цветы. Но то были только отблески первого луча, его предвестники.

– Роса-роса-росица, земная живица, – прошептал, не от-

вода взгляда от поднимающегося солнечного диска. – Позволь тобой напиться...

Он повторял так снова и снова, пока первый луч не полоснул по глазам упав ему под ноги. Роса окрасилась золотом, запела – высокая, чистая нота, самая сильная и яркая. Малюта откупорил фляжку, поймал горлышком солнечный луч. Чуть наклонив емкость, потянул на себя, будто струну – по оранжевому лучу во фляжку стала стекать вода. Малюта стоял так, едва дыша, внимательно наблюдая за солнцем – оно разгоралось все ярче, поднималось все выше, лучи полились потоком, роса зашумела, собираясь во фляжку, запела широким и смелым хором.

Не дожидаясь, чтобы поток смел его, домовой вовремя дернул фляжку вверх, выдернул луч из ее горлышка и ловко закрыл его пробкой.

«Хорошая работа», – сам себя похвалил.

Не дожидаясь наступления дня, собрал свой нехитрый скарб, забрал путевой камень и направился к броду.

– Водица-роженница до света проводница, до тьмы распогодица, на лихо отворотица, отпусти до дому...

Он уверенно ступил в воду... и провалился на глубину. В ушах стоял смех болотницы, вода вокруг оказалась чужой и темной, с сильным несвежим привкусом тут же осевшем на языке Малюты. Домовой, отпустив лямки короба, забарахтался руками, забил ногами о воду, отталкиваясь и пытаясь выбраться на поверхность, но вода становилась все тя-

желее, плотнее и утягивала на дно. Она ложилась тяжелыми руками на плечи, давила на них, обнимала все крепче.

«Ты один из нас», – из глубины выскользнула уже знакомая Малюте болотница, застыла перед ним, двигаясь заволаживающе плавно, усыпляя бдительность. Ее волосы струились по плечам, обнаженная кожа поблескивала в прорывающихся сквозь толщу воды лучах, а руки приглашали следовать за ней.

Домовой почувствовал, как сдавило легкие. Образ болотницы померк на мгновение.

«Дыши, ты можешь», – соблазняла речная нежить.

А жадные руки уже тянулись со дна, уже опутывали щиколотки и запястья осокой и болотной травой, уже вплетали в волосы домового красную ягоду-морошку. Малюта знал: вздохнуть болотной водой – в одночасье стать нежитью. «Каждый решает лишь раз», – вспомнил слова старого домового еще в том, сгоревшем доме.

Качнув головой, Малюта потянулся к горлу и дернул за шнурок – в ладонь послушно лег пузырек в погорской солью. Глаза у болотницы хищно сузились. Она бросилась к домовому. Но тот оказался проворнее – успел откупорить склянку. Из нее вырвался воздушный пузырь и лопнул перед носом нежити. Осыпав ее снопом белых искр – те загорелись на зеленоватой коже твари, заставив ее отступить. Вода снова стала прозрачной, а ручей обмелел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.